

Наринэ Абгарян
представляет

Приводя дела в порядок

Сборник хорошей
мужской прозы.
Убедительной,
сильной,
настоящей

**Геннадий Башкуев
Сергей Узун
Юрий Каракурчи
Алекс Туманский
Виталий Сероклинов
Александр Чумовицкий
Святослав Касавченко
Андрей Ладога
Михаил Шахназаров
Алексей Карташов
Наринэ Юриковна Абгарян
Приводя дела в порядок (сборник)**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9746610
Приводя дела в порядок (сборник): АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-090693-2*

Аннотация

Перед вами сборник хорошей мужской прозы.

Убедительной, сильной, настоящей. Резкой и смешной, доброй – и совсем наоборот, не считающейся с вашими чувствами.

Главное, что объединяет рассказы сборника «Приводя дела в порядок», – это совершенно особый взгляд авторов на этот разный, иногда невыносимый, но безусловно, прекрасный мир.

Приятного вам чтения.

Содержание

От автора	5
Сергей Узун	6
Приводя дела в порядок	6
О высоком	8
Зайка	11
Серьезные отношения	13
Тараканище	15
Враги	18
Из чего же, из чего же	20
Тризна	22
Вандализм	24
Поэт	26
Святослав Касавченко	28
След Сокола	28
Белые Волки	35
Дед	45
Губная гармошка и отсутствующий рояль	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Приводя дела в порядок (сборник)

© Авторы, тексты, 2015

© Наринэ Абгарян, составление, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

От автора

Несколько лет назад я взялась вывешивать на своей странице в ЖЖ рассказы. Это были смешные истории-воспоминания о моем детстве. Однажды я получила письмо от Ирины Епифановой, ставшей впоследствии моим бессменным редактором. Она писала о том, что ссылку на мою страницу показала ей писатель Лара Галль. Что в издательстве «Астрель-СПб» посоветовались и решили выпустить мои рассказы отдельной книгой. И что если я не против...

Я, конечно же, была не против. И в 39 лет, неожиданно для себя, стала писателем.

В виртуальном пространстве много талантливых людей – художников, музыкантов, писателей. Некоторые из них добиваются известности сами, другие, в силу природной робости или банальной неуверенности в себе, так и остаются запертыми в блоге. Мне кажется, обязанность каждого из нас – сделать всё от себя зависящее, чтобы помочь их творческой реализации.

Я составила три сборника рассказов, куда отбирала произведения авторов, на мой взгляд, талантливых и одарённых. Этим я отдала свой долг, закрыла гештальт. Когда-то мне помогла Лара Галль, теперь я, надеюсь, помогла другим. Если кто-то положил тебе на ладонь кусочек солнца, поделись его теплом с остальными. Жизнь слишком коротка, чтобы тратить её на себя.

Перед вами третий, и последний сборник, составленный мною. Это достойная, крепкая и убедительная мужская проза.

Я желаю вам приятного чтения.

И спасибо авторам и читателям за доверие.

Н. Абгарян

Сергей Узун

Приводя дела в порядок

– И несмотря на то, что миру осталось всего два часа, мы всех призываем не скатываться до крайностей и соблюдать... – Диктор не договорил, что именно надо соблюдать, и разрыдался.

Семен выключил телевизор и нажал на кнопку ноутбука. Словно отвечая на прикосновение к кнопке, на улице что-то незамедлительно грохнуло, и электричество исчезло. Судя по всему, выключилось во всем районе, потому что уровень шума с улицы как-то резко понизился. Как будто на мир кто-то набросил толстое одеяло. Были по-прежнему слышны какие-то привычные уже крики и выстрелы, но в общем и целом стало значительно тише.

Тогда Семен попробовал дозвониться до Кузьмича. Связи толком не было последние десять дней, но иногда удавалось пробиться.

– Алло, – неприветливо сказал Кузьмич в трубку.

– Привет. Как дела? – задал идиотский вопрос Семен.

– Прекрасно, – буркнул издевательски Кузьмич. – Говори быстрее. У меня времени не так чтоб много.

– Как у всех, – сказал Семен. – Два часа. Ты, Кузьмич, у нас по кроссвордам мастер. Скажи мне, пожалуйста...

В трубке раздался громкий треск, и связь пропала. Семен, как и полагается в таких случаях, два раза прокричал «Алло!», три раза попытался продуть линию связи и выругался.

Он хотел было выйти на балкон покурить, но вовремя вспомнил о безумном снайпере из дома напротив. Тогда Семен закурил прямо в комнате, подошел к книжной полке и начал гипнотизировать корешки книг.

– Электричество исчезло, – сообщила от дверей комнаты жена Семена.

– Я заметил. И связь, – кивнул, не оборачиваясь, Семен. – Шалят сограждане напоследок. О! «Дом и семья»!

Семен достал из шкафа толстую книгу и присел на диван.

– Оооо, – протянула жена, – вспомнил! И чего ты куришь в комнате? Провоняет же все.

– Не успеет, – ответил Семен. – За два часа не успеет. Мы, помнится, в общаге месяц курили – только потом стало заметно всем.

– Пепельницу тогда возьми, – сказала супруга. – Два часа – не повод оскотиниваться совсем.

– Да, конечно, – пробурчал Семен, не отрываясь от «Дома и семьи». – Я сейчас.

– И я хотела сказать тебе – я ухожу от тебя, – выпалила жена.

– Куда? – нейтральным тоном поинтересовался Семен. – Потерпела бы уж.

– Куда угодно. Хватит с меня.

«Сейчас заплачет», – пронеслось в голове Семена.

– Никакого внимания... Никакого интереса... Хотя два часа... – заплакала жена.

«Это у нее от страха, – подумал Семен. – А может, и нет».

– Это не от страха, чтоб ты знал! Я долго думала... Уйду, и... Хотя два часа...

«Сейчас меня погонит», – подумал Семен.

– А вообще, нет! Какого черта?! – сорвалась на крик супруга. – Ты уходи! Там же опасно! Будь хоть раз мужиком – уйди сам!

«Сейчас вещи побежит собирать», – подумал Семен.

– Я сейчас тебе вещи... А хотя – зачем тебе вещи?!

«Бутерброд», – понял Семен.

– Я тебе бутерброды сделаю и иди! – убежала на кухню жена.

– Нет тут ничего такого... – сказал сам себе Семен и отложил книгу. – Где ж оно было то...

Он вновь подошел к книжному шкафу и начал перебирать книги.

– С ветчиной и с сыром! – прибежала из кухни супруга со свертком. – Четыре штуки. Иди теперь!

«Сейчас опять заплачет», – подумал Семен, взял сверток и пошел в прихожую обуваться. Под рыдания супруги он присел над парой туфель и запыхтел. Затем, не поднимая глаз, привычным жестом протянул руку.

– На! – подала обувную ложку жена. – Сколько раз говорить – расшнуровывай! Задников же не напасешься.

– Еще два часа протянут. – Семен наконец обулся и встал. – Ну... Пойду, наверное.

«Сейчас попросит что-то сказать и скотиной бесчувственной назовет».

– Скажи хоть что-нибудь, бесчувственная скотина!

«А вдруг?! – осенило Семена. – Чем черт не шутит...»

– Кстати, да, – кивнул он. – Ты не знаешь, что такое «дебаркадер»?

– Что, прости? – не поняла жена.

– Ну «дебаркадер», – пояснил Семен. – Слово слышал миллион раз, а что означает – понятия не имею. Подумал, вот сейчас, через два часа, все закончится, а я так и не знаю. Думал по Интернету посмотреть, а оно все выключилось.

– То есть, поправь меня, если я ошибаюсь, ты в энциклопедии «Дом и семья» «дебаркадер» искал? – еле заметно усмехнулась супруга.

– Других энциклопедий на полке не нашел, – улыбнулся Семен.

– А толковых словарей? – засмеялась жена.

– Ох, е! – подкинуло Семена. – Можно? Я на секундочку...

– Дебаркадер – плавающая пристань, – сообщила жена. – На понтоне такая. Ну мы летом видели на море, помнишь? Там кафе еще было.

«Ни фиги себе!» – подумал Семен.

– Ни фиги себе! – сказал он вслух. – Ты, оказывается, знаешь всякие умные слова.

– Это трюизм для всех, кроме тебя, детка, – широко улыбнулась жена. – Я понимаю, что у тебя сейчас когнитивный диссонанс, но это все вызвано только твоей многолетней, перманентной идиосинক্রазией ко мне как к собеседнику. Ну и, разумеется, твоим эгоцентризмом.

– Охренеть! – подумал и прошептал одновременно Семен.

– К чему эти инвективы, милый? – победоносно поинтересовалась супруга.

– Э-э-э... Прости, пожалуйста, – замялся Семен. – Можно тебя попросить объяснить еще кое-что? У тебя есть время?

– Как у всех, – посмотрела на часы жена. – Час двадцать.

– Ну... – все никак не мог сформулировать Семен и подумал: «Сейчас простит».

– Разуйся, ладно, – смилостивилась жена. – Поговорим часок.

О ВЫСОКОМ

– Александр, как вы можете жить в своем обыденном мире? – заломила руки Зинаида. – Неужели вы не понимаете, что в мире есть что-то кроме пива, еды и этого самого...

Александр дожевал обыденность в виде куриной ножки и с интересом взглянул на Зинаиду.

– Нет, я сейчас не про секс вовсе, – помрачнела Зинаида. – Давайте же вырвемся из этого порочного круга.

– Это ж небось и в наглаженное одеваться надо? – недовольно скривился Александр.

– А как же! – воскликнула Зинаида и кинула в Александра выглаженными штанами и безликой опрятной рубашкой.

– А киньте в меня еще и носками, душа моя, – пропыхтел Александр. – Я так понимаю – в шлепках из обыденности мы не вырвемся.

Зинаида кинула носками, бритвой, туалетной водой и еще чем-то.

– Это что за разноцветные бинты, разлюбезная Зинаида? – удивился Александр.

– Это летний шарф-галстук. Сейчас так носят, – сказала Зинаида таким тоном, что Александр сразу понял – шарф-галстук придется надеть.

Через какие-то пятнадцать минут Александр чувствовал себя свежим, красивым, помолодевшим и нелепым ботаником.

– Где же шарф, Александр?! – возмущенно округлила подведенные глаза Зинаида.

– А вот он! – Александр торжествующе достал из кармана шарф-галстук. – Со мной. Сроднились мы с ним уже.

– Ему место на шее! – совершенно справедливо заметила Зинаида. – Не портьте мне вечер, мужлан!

– Выйдем со двора – нацеплю, – твердо сказал Александр. – Потому как я сомневаюсь, что мои приятели со двора в курсе последних модных веяний и смогут удержаться от до крайности обидного для меня определения «петух». Уж и не думаю, что мордобой с моим участием позволит нам достойно вырваться из опостылевшей обыденности. Посему – только в двух кварталах от дома.

– А и шут с вами, – сдалась Зинаида. – Пойдемте срочно в другой мир. В новый и незнакомый. В мир искусства.

– Не в кабак таки, – вздохнул Александр. – Чужало мое сердце.

Ласковым щебетом и ледяными взглядами Зинаида погнала Александра по городу на встречу с неведомым. Неведомое притаилось в каком-то промышленном здании, испанном граффити.

– Нам точно сюда? – поинтересовался Александр, полюбовавшись на граффити. – Скажите сразу. Мне знать нужно – перепрыгивать деньги в носки или не нужно?

– Это же красиво, Александр! – закатила глаза Зинаида. – Это субкультура.

– Да вы что?! Да неужто? – удивился Александр, декламируя наиболее нецензурные из надписей.

– Ну разумеется. Это же протест! – сказала Зинаида и поволокла ошарашенного Александра ко входу.

– По триста сегодня, – объявил скучающий тип на входе.

– Зинаида, радость моя, – ласково обратился Александр, – скажите мне, пожалуйста, мы вырываемся из круга обыденности или откупаемся от него?

– Перестаньте сквалыжничать, Александр. Соответствуйте шарфу и своей женщине! – зашипела на ухо Зинаида.

– Кутить так кутить, – приуныл Александр и с тоской проследил, как шесть сотен скрываются в кармане билетера.

– Боже, как же тут хорошо! – выдохнула Зинаида уже внутри.

– Этот склад забросили лет пятьсот назад, – заметил Александр. – Нормальный кладовщик не допустил бы такого бардака.

И сплюнул в ближайшую плевательницу, чтоб показать, что манеры какие-никакие, а присутствуют.

– Что вы делаете, вандал?! – заголосил какой-то тщедушный тип в берете и в родном брате шарфа, красующегося на могучей шее Александра. – Вы же испортили всю инсталляцию!

– Чего-чего я испортил? – удивился Александр.

– Жизнь мне испортил! – прошипела Зинаида. – Это ж надо додуматься – в инсталляции плевать.

– Да это ж плевательница! – сказал Александр. – У нас на работе такие же были. Туда все плевали. Ну не все, конечно. Интеллигентные только...

– Да что вы понимаете! – заплакал тип в берете. – Плевательница... А приглядеться? А подумать? Это же символизирует открытую душу духовности! Каждый может плюнуть в душу духовности, и только здесь она защищена барьером!

Художник указал на картонный заборчик, высотой сантиметра в три, вокруг плевательницы.

– Ну... Я так и понял все, – неуверенно сказал Александр. – Мне подумалось, что пересохший харчок в эмалированном нутре духовности только добавит выразительности этой... как бишь ее...

– Инсталляции!! Инсталляции!! – завизжал художник. – Не добавит! Зачем там второй плевок?! Как я смогу это объяснить? Первый плевок – мой. Он символизировал плевок Бога в духовность, потому что Бог выше! А теперь что? Кому я теперь это продам?! С двумя плевами – это ни в какие ворота! Это вне философского контекста! Кто плюнул в духовность вторым, я вас спрашиваю?!

– Человек! – подсказал Александр. – Человек вполне способен плюнуть на духовность.

– Да не на духовность, а на Духовность! – сказал художник уже без гнева и принялся рассматривать плевок Александра.

– Простите, а как у вас получается говорить и с маленькой, и с большой буквы? – попыталась подольститься к художнику Зинаида.

– Вам не понять, – грустно ответил художник и плюнул с досады.

Затем лицо его озарилось, и он принялся заплевывать пол вокруг инсталляции.

– Але, мужчина! Чего происходит? – встревожился Александр. – Что за вандализм?

– Это все заиграет... Не каждый может попасть в духовность... – забормотал художник, – и только Бог и еще один... А, нет – семеро! По количеству грехов...

– Зинаида, пойдем, – шепнул Александр. – Не станем мешать Мастеру.

– Видели, Александр, какие люди есть? – назидательно спросила Зинаида. – Богом в макушку поцелованные. Талантливые. Из всего творят Прекрасное!

– Ну это вне обыденности, – возразил Александр. – В обыденности это на штраф тянет.

– Вы не понимаете ничего в Искусстве! – поджала губы Зинаида.

– А вы в этом всем понимаете? – восхищенно спросил Александр, указывая на двух голых женщин с транспарантом «Нет сносу нарядам».

– Нет, конечно. Но мне же нетрудно подойти к предмету и восхищенно сказать: «Ца-ца-ца».

Александр чеканным шагом прошел к одной из картин на стене, покачал восхищенно головой и сказал:

– Зиночка, полюбуйтесь-ка вот на это!

Зиночка подошла и неуверенно сказала:

– Боже, какой выразительный образ! На Пугачеву похоже!

– Только лицо! – обиделся художник. – Его я из журнала вырезал. Остальное все от Нади Команечи. Это называется «Прыжки и вой». Неужели непонятно?!

– Ца-ца-ца... – восхищенно процокали Александр с Зинаидой.

Зайка

Ночью перед подъездом на асфальте появилась надпись: «Зайка, я люблю тебя!» Белой эмалевой краской поверх небрежности трудов дворника. Все шестьдесят женщин подъезда зайкового возраста (от десяти до шестидесяти лет) в это утро выглядели загадочнее черных дыр космоса. На лице каждой читалась абсолютная уверенность, что послание адресовано именно ей.

– Как это трогательно, – умилилась одна из женщин. – Настоящий мужчина и романтик растет. Я-то думала, так сейчас не ухаживают.

– И не говорите, – подхватила другая. – И только одна-единственная знает, что это написано только для нее.

– Уж она-то точно знает! – залилась румянцем первая. – Но не расскажет никому.

– Это моей Машке писали, – заметил мельком отец одной из гипотетических заек.

– Ну-ну. Ошибок-то нет! – возразили женщины. – Запятая где положено, и «тебя» через Е, а не через И.

– Ну так и почерк ровный, – возразил глубоко уязвленный отец. – Не слепой человек, видимо, писал. Так что и не вам, вероятно.

Так, слово за слово, разгорелся конфликт полов, поколений и социальных слоев. С мордобоем, матом и разорванными бусиками. Приехавший наряд милиции полюбовался с полчаса на побоище заек подъезда и только потом разнял всех.

С утра надпись изменилась. Кто-то уточнил данные, и теперь надпись была более конкретной «Зай ка с 6#го этажа, я люблю тебя». Зайки с остальных этажей почувствовали себя до крайности оскорбленными в лучших чувствах.

– Это ж надо такой сволочью быть, – сообщила экс-зайка лет сорока с пятого этажа. – Разрисовывать-то – оно ума много не надо. Подарил бы цветов, что ли.

– И не говорите, – поддержала еще одна развенчанная, с расцарапанным еще вчера во имя романтики лицом. – Взял бы да разметку нанес вместо этих каракулей. Раз уж краски много.

Зайки с шестого этажа свысока поглядывали на всех и мечтательно смотрели вглубь себя. Эту мечтательную задумчивость не оценил муж одной из заек. Он хотел было попенять супруге на недостойное поведение, но увлекся и попинал бедную женщину, к вящему удовольствию всех остальных заек подъезда.

На следующий день надпись закрасили, и на белом фоне черной краской появилось «Мильпардон, ошибка. С пятого этажа зайка-то! Люблю тебя».

С шести утра начали подтягиваться зрители из соседних подъездов. И не зря. Ровно в семь у подъезда напрасно обиженная женщина с шестого этажа надавала пощечин своему несдержанному мужу за то, что он козел ревнивый. Мужчина виновато пыхтел и с ненавистью поглядывал на буквы на асфальте. Женщине рукоплескали все остальные дамы двора, вкладывая все свои обиды на спутников жизни в овации. Мужчины сочувствовали лицом и жестами, но сказать что-то вслух не осмеливались.

– Ишь как под монастырь подвел всех, – вздохнул какой-то мужчина лет пятидесяти. – Нет чтоб по секрету на ушко сказать зазнобе своей. Так нет – надо народ баламутить.

– А ты своей на ушко каждый день говори – она и не взбаламутится, – парировала соседка.

– А мне, допустим, никто не говорит ничего уже лет двадцать пять – и ничего. Не помер пока, – виновато пробурчал мужик.

– То-то и оно, – покачала головой женщина и вернулась к зрелищу.

– На пятом-то незамужних баб нету! – вдруг выкрикнул один из мужчин.

– А что ж, в замужнюю влюбиться нельзя уж никому? – взъерились женщины пятого этажа. – Рожей не вышли, что ли? Что ты молчишь, а? Твою жену уродиной обзывают, а ты? Так и будешь стоять?

Приехавший наряд полиции вызвал подмогу, и уже тремя экипажами они гоготали и делали ставки. После всего разняли дерущихся и оформили двадцать три административных нарушения за драку.

Утром на асфальте красовалось: «А чего все эти курицы щеки дуют-то? Зайка-то мой – мужчина с пятого этажа. Люблю тебя, зайка!» Управдом прочел это все, ахнул, сразу вызвал полицию и четыре экипажа скорой помощи.

– Зачем вам четыре? – допытывалась диспетчер. – Чего у вас происходит-то там?

– У нас на пятом четыре зайки живут! – неуклюже пояснял управдом. – И все женаты. Так что поторопитесь – пострадавшие вот-вот будут.

– Ах ты кобелина! – завыли на пятом этаже, и раздался шум бытовой ссоры с рукоприкладством и порчей имущества.

– Але! – закричали все жители подъезда со двора. – Нечестно так. Спускайтесь вниз – чтоб все видели.

– Сейчас, – вышла на балкон пятого этажа женщина в бигудях. – Скорой там не загораживайте дорогу.

Санитары пронесли двоих пострадавших. Еще один зайка вышел сам, гордо осмотрел собравшихся, пригладил резко поседевшие волосы, проводил заплывшим глазом обе кареты скорой помощи и сказал:

– Слабаки! Тряпки!

После чего улыбнулся беззубым ртом и упал в обморок.

– Ээээ. Граждане... – заволновалась толпа. – А где четвертый-то? Может, надо ему на помощь идти? Может, дверь выбить и отнять бесчувственное тело у этой фурии?

– Что за собрание тут? – вышел из подъезда последний из заек. – Делать вам всем нечего?

Толпа ахнула – мужчина был чисто выбрит, причесан, одет в свежую рубашку и вообще великолепен, как залежавшийся в ЗАГСе жених. За мужчиной вышла его жена, поправила демонстративно мужу прическу и ослепительно улыбнулась соседям.

– Верк, ты чего? Бесчувственная какая-то? – ахнули женщины.

– Чего это? – удивилась Верка. – Это ж я писала. Своему. Люблю его – вот и, дай, думаю, напишу. А нельзя разве?

– Вот ты скажи – ты нормальная?!! – завизжали соседи.

– Нормальная вроде, – пожала плечами Верка. – А вы?

Серьезные отношения

К одной женщине пришел по объявлению мужчина.

Объявление было вполне обычным. Женщина там написала, чтоб ни-ни там, а только по серьезным намерениям, что одинокая, что денег не надо и жить есть где.

В первый же вечер к ней и пришел мужчина. Внимательно посмотрел на всю женщину, одобрительно так поцокал языком и прошел в прихожую.

– Ну как дела тут вообще? – спросил мужчина.

– Да уже вроде получше, – женщина рассмотрела выбритый подбородок мужчины и принялась насчет перегара.

– Хорошо это, – кивнул мужчина и спросил: – А куда тут пройти можно?

– В зал, может? – спросила женщина робко.

Потому что у женщины из всех комнат только зал и соответствовал серьезным намерениям. Кухня у нее была метров шесть от силы, а в спальню сразу звать не допускается Кодексом Серьезных Женщин.

– Ну в зал так в зал, – согласился мужчина.

Прошел в зал и на стул сел.

– Вы бы на диван, может? – озаботилась женщина. – А то мне стул дорог, а он уж и без того расшатанный. Бабушкина память, между прочим. Еще при старом режиме расшатали.

– А на диване-то я в серьезных намерениях усомниться не заставлю? – как-то оробел мужчина. – Сяду там, не дай бог ладошкой около себя хлопну, а вы решите, что это я что-то вроде «Сядись сюда, крошка» говорю.

– Да бросьте, – отмахнулась женщина. – Я таких тонких намеков и не понимаю вовсе. Хоть ухлопайтесь там весь на диване.

– Ну вот и чудненько, – повеселел как-то мужчина. Поднялся, снял пиджак, ослабил галстук и пересел на диван.

– А чего это вы тут уж раздеваться вздумали? – подозрительно спросила женщина.

– Ну а чего мне? – хмыкнул мужчина. – Тонких намеков вы не понимаете, а у вас тут жарко. Не сидеть же мне в пиджаке, пока вы еду с кухни таскать будете.

– Какую еду? – не поняла женщина.

– Нет еды, что ль, никакой? – встревожился мужчина. – Что ж тогда на серьезные отношения намекать-то?

– Ну как не быть? Есть, – успокоила женщина. – Меня ж просто волнует – может, вам плевать на отношения серьезные? Может, вы только пожрать чтобы пришли?

– Не-а. Что ж мне, пожрать негде, что ли? – оскорбился мужчина. – Вы, между прочим, не единственная тут одинок, состоят, жилплощ обеспеч. Просто, думаю, все равно ж угощать будете, раз уж женщина серьезная.

– А, – перестала волноваться женщина. – Конечно, буду. Не жлобье ж какое.

– Телевизор мне пока включить можно, – сообщил мужчина, – чтоб я не скучал тут.

– Телевизор? – задохнулась возмущением женщина. – Зомбоящик этот?

– Ну а чего? – удивился мужчина. – Книжек у вас тут нет. Картины тоже не висят. А телевизор есть – вона стоит в углу. На что мне смотреть-то?

– Да все равно... – попыталась заплакать женщина. – Это ж низкопробное все.

– Культуру мне включите, – презрительно сказал мужчина.

– Ааа. Что ж вы сразу не сказали, что культуру? – успокоилась в момент женщина и включила телеканал «Культура».

Искала всего-то минут десять этот канал. Громко вступили скрипки.

– Охбл... – сказал мужчина и сразу поправился: – Прелесть-то какая. Знакомое что-то. И хитро посмотрел на женщину. Женщине мелодия была незнакома.

– Да. Вертится на уме, – кивнула она сконфуженно.

– Шостакович это. Восьмой концерт, – сказал нагло мужчина. – До-мажор-диез для скрипок и виолончелей.

– Да-да. Как я сразу не вспомнила? – захихикала женщина и ушла таскать еду с кухни.

Затем они ели, смотрели друг другу в глаза и тяжело вздыхали от грохота литавров. Им обоим хотелось майонеза. Но разве может серьезный человек хотеть майонеза на первом же свидании?

Затем мужчина поднялся, тоскливо как-то оглянулся и говорит:

– Ну, собственно, и вот. Спасибо за прекрасный вечер. Пойду я, наверное. А завтра позвоню вам, ежели чего.

– А может, того... – замялась женщина. – Сразу к серьезным отношениям? А то ищи вас завтра.

– Можно, – солидно сказал мужчина и переключил канал на менее музыкальный.

Тараканище

Петрович сидел на кухне и пил чай. Петровичу было неимоверно скучно: чай был привычным, интерьер – приевшимся, вечер – обычным.

– Надо хоть тараканов завести, что ли, – вслух размышлял Петрович. – Будут бегать, я буду их хлопать – какое-никакое развлечение.

Из-за плиты выполз обычный рыжий таракан и неодобрительно пошевелил усами на Петровича.

– Развлечение цивилизованного человека, – хмыкнул таракан. – Лишь бы хлопать кого-то. Тысячи лет эволюции для изобретения тапка.

– Простите? – удивился Петрович. – Это вы мне?

– Нет, что вы, – ответил таракан. – Таракану чуждо общение. Мы все больше монологами во тьме ночной.

Петрович решил рассмотреть таракана поближе и поднялся с табурета. Таракан нервно шевельнул усами и взвизгнул:

– Не приближайтесь ко мне, дикарь! Сидите где сидели.

– Да я посмотреть только, – сел обратно на табурет Петрович. – Интересно ведь – говорящий таракан.

– Вы и соседа сверху не знаете, а ни разу не поднимались посмотреть на него поближе, – ответил таракан. – Или он не говорящий у вас?

– Не знаю, – пожал плечами Петрович. – Может, и говорящий.

Они оба замолчали. Петрович не знал, о чем можно разговаривать с тараканами. Таракан просто молчал и шевелил усами.

– Может, чаю? – предложил Петрович. – Ну или поесть чего-нибудь?

– Благодарствую, – степенно отказался таракан, – с пропитанием у нас проблем нет. Особенно если хозяева не так чтоб чистоплотны. А чаю... В пакетиках?

– В пакетиках, – кивнул Петрович.

– Нет уж. Увольте, – решительно отказался таракан. – Можно так просто посидеть. Пообщаться.

– Это можно, – согласился Петрович, – чего б не пообщаться. «Спартак» вон недавно играл.

– А, – отмахнулся усами таракан, – пусть их. Бегают себе – две ноги всего. Неуклюжие такие. Чего о них говорить? Глобальнее что-то можно обсудить.

Из глобального Петрович наслышан был только о потеплении и глобализации. И был не особо силен ни в том ни в другом. Потому просто промолчал.

– Ну, к примеру, скажем, размеры, – заговорил таракан. – Не трудно ли быть здоровенным таким? Ведь сколько пространства-то расходуется почем зря? Не болит душа за бесцельно занятое пространство?

– Не думал об этом никогда, – подхватил разговор Петрович. – Есть же и более крупные особи. Слоны, например. Слонам чего делать тогда? Или жирафам, например.

– Ну-ну, – осадил таракан, – с животными-то чего себя равнять? Вы ж хомо, с позволения сказать, сапиенс. Вам свойственны должны быть размышления. У слонов соображение разве есть какое? Взял себе хоботом, да в пасть запихнул. А у вас зерно рационализации должно быть.

– Ну а в мизерных размерах какой прок? – не согласился Петрович.

– Ну как какой? – пошевелил усами таракан. – Жилплощади в разы меньше надо. На одном чае экономия бешеная. Сплошные плюсы. Мы вон микробам всяким завидуем бешено – на одной лапе моей тысячами живут. И ничего, все сыты-здоровы, жизнью

довольны. А в случае с вами... Да ты ж, Петрович, для микробов – мегаполис. И может, в этом твое единственное предназначение – служить мегаполисом для микробов.

– Чего это мы на «ты»? – оскорбился Петрович. – Мы на брудершафт не пили ни разу.

– Уверен? – хмыкнул таракан. – Может, я к твоей рюмке не единожды прикладывался, пока ты на балконе куришь?

– А все равно, – уперся Петрович. – Это уважительное отношение ко мне...

И осекся. Ибо уж кому-кому, а таракану было абсолютно не за что уважать Петровича.

– То-то же, – одобрил таракан. – Уважение должно быть взаимным.

– Ну ладно, вам меня не за что уважать, – согласился Петрович. – Тапком шлепнуть могу, отраву раскидать...

– Бррр, – передернуло таракана.

– А мне-то вас за что уважать? – продолжил Петрович. – Ну не вас персонально, а прочих молчаливых тараканов? А хоть бы и тебя – за что? Подумаешь, заговорил. Сосед сверху тоже небось говорить умеет.

– Логично, – согласился таракан. – Может, если узнать нас поближе...

Петрович отхлебнул чаю, демонстрируя полное пренебрежение к идее познакомиться поближе с тараканом.

– А, ну да, – поник таракан. – Тоже вроде незачем... Ну а если я скажу, что мы в играх сильны?

– Доброй Воли? – хмыкнул Петрович. – Во что с тобой играть-то? Ты карту игральную не поднимешь, костяшку о стол не брякнешь, мяч не пнешь... В молчанку, что ли?

– В крокодила, – гордо сказал таракан. – В крокодила сильнее нас нет никого.

– Да ладно? – не поверил Петрович. – Как с вами играть-то? Я ж по вашей мимике да движениям ничего не пойму.

– Не веришь, да? Не веришь? – закипятился таракан. – А ну показывай! Чего хочешь – показывай.

Петрович загадал слово, затем встал на середину кухни, указал на таракана, на себя, затем сделал какое-то движение, будто обнял кого-то, и показал кулак.

– Насильственная коллективизация, – лениво ответил таракан.

– Ишь ты! – удивился Петрович. – Смотри как. А вот это? – Показал один, два, три пальца, затем сделал вид, как будто по малой нужде стоит.

– Число пи, – откликнулся таракан. – Ты посложнее ничего не можешь придумать? Что за детские задания?

– Верно, – почесал затылок Петрович. – Посложней, говоришь? Будет тебе посложнее...

Петрович выпучил глаза, указал куда-то в пол и поднял два пальца.

– Э-э-э. Номер два... – замялся таракан. – Ты не мог бы повторить еще раз, но уже лицом ко мне?

Петрович повторил пантомиму, повернувшись к таракану.

– А, ну теперь понятно, – радостно сказал таракан. – Начальник ЖЭК номер два Семен Федорович Штукин. В четверг утром на планерке.

Дальше таракан играючи разгадал «Людмила Семеновна из пятой квартиры плохо думает о пятикласснике Саньке из восьмой», «Путин восхищается нанотехнологиями», «Ядерная угроза от стран из оси зла», «Состояние дорог в Республике Коми вызывает озабоченность министра транспорта».

– Уму непостижимо! – выдохнул Петрович. – А вот это?!

Он выкатил глаза, пустил слюну из уголка рта и начал немножко подергивать головой.

– Роджер Желязны закончил писать «Принца Хаоса», – уверенно сказал таракан.

– А вот и нет! – торжествующе сказал Петрович. – Не знаю я никаких Желязны. Это Майк Тайсон на уроке математики.

– Не жульничай, – строго сказал таракан. – Майк Тайсон – это вот.

Он пошевелил усами, как-то переставил свои ноги и задрожал. И Петрович понял – это точно Майк Тайсон. И стало Петровичу невыносимо стыдно – он ведь на самом деле Желязны показывал. Он посмотрел обиженно на таракана и встал с табурета.

– За тапком пойдешь? – спросил тоскливо таракан. – И когда вы, люди, проигрывать научитесь, а?

Враги

Однажды на пороге гражданина Иванова возник конфликт в виде неприятного, небритого типа с папиросой в зубах. Тип жестикулировал, ругался и выдыхал неприятным запахом.

Иванов минут двадцать пытался понять, в чем суть претензий, затем вдруг понял, что именно сейчас драгоценные секунды жизни пропадают впустую, и просто закрыл дверь перед лицом визитера.

С утра у двери Иванова любой из соседей мог лицезреть надпись: «В 41 квартире – казлы!» Иванов при виде надписи вздохнул, пробурчал: «Детский сад какой-то, чесслово» – и пошел на работу.

Вечером тип зашел снова. Был в этот раз чисто выбрит и без папиросы. Показал Иванову на надпись и засмеялся обидно.

– Дурак вы, – сообщил Иванов типу и закрыл дверь.

– Сам дурак, казззел и шизанутый баклажан! – пропел тип торжествуя за дверью и зашагал к лифту.

– Почему баклажан-то? – не понял Иванов. – Может, он баклажаны ненавидит?

Он посмотрел в зеркало – нет ли синюшности какой на лице. Синюшности не обнаружилось.

– Ну почему баклажан, а? – все не мог успокоиться Иванов, которого, как и всех, непонятное тревожило и раздражало.

Он лег спать, и ему снился опухший и небритый баклажан с папиросой.

Наутро он встал пораньше и постарался замазать водоэмульсионкой оскорбительную надпись у дверей. Маляр из Иванова получился какой-то невнятный, и надпись по-прежнему была различима. Хоть и поблекла немного.

– Прогрунтовал? – хриплым голосом поинтересовались за спиной.

Иванов повернулся и встретился взглядом со своим обидчиком.

– Нет, – честно признался Иванов. – А надо было?

– Интеллигентишко, – презрительно хмыкнул опухший тип с папироской. – На-ка вот. И протянул банку грунтовки.

После грунтовки и водоэмульсионки надпись стала почти незаметной.

– Видишь. – одобрительно кивнул тип и безо всякого перехода заехал Иванову в ухо кулаком. – Так вот тебе, – сказал он. – Будешь знать. Питекантроп ущербный.

– Почему питекантроп-то? – не понял лежащий на лестничной площадке Иванов.

И пошел в зеркало смотреть – может, надбровные дуги как-то выделяются. Дуги не выделялись. Зато ухо опухло и стреляло. Иванов подержался за ухо и пошел на работу.

– Почему же питекантроп-то? – бормотал он.

Вечером он подошел к бабушкам, дежурившим у подъезда.

– Здравствуйте, – сказал он вежливо.

– Привет, – откликнулась одна из бабушек. – А ты чего вежливый такой? Может, это ты ящики почтовые у нас поджигашь?

– Не поджигаю, – ответил Иванов. – У меня и спичек-то нет никогда.

– Ну-ну, – не поверили старушки. – Чего хотел-то?

– Вы знаете, я тут живу в сорок первой квартире... – замаялся Иванов. – У нас тут в подъезде есть один тип такой... Грубый такой. Небритый и с папиросой почти всегда. Я и спросить хотел – не знаете, где он живет?

– Дожили, – поджали губы старушки. – Уже соседей не знают. Наплевать им друг на друга. Раньше разве было так? Да никогда не было такого.

– Да я тут недавно живу... – тщетно пытался Иванов вернуть бабушек к конструктиву.
– Нет чтоб обойти всех... – не замечали бабушки Иванова. – Познакомиться, например. Так нет. Плевать им. Не люди прям, а Ван Гоги ушастые.

– Да не был Ван Гог равнодушным! – возмутился Иванов. – Почему Ван Гоги-то?

– Поучи еще, поучи! – загалдели старушки. – Молод еще учить-то. Ты сначала с наше-то поживи. А уж потом учи. Ишь ты... Недоделок какой!

Иванов опустил голову и пошел к подъезду. «Почему недоделок-то?» – крутилось в голове Иванова.

Дома он заглянул в зеркало, но так и не придумал, по какому внешнему признаку можно отличить недоделка от прочих смертных, и поэтому просто удостоверился, что внешний вид его вполне обычен. За исключением уха.

На следующий день тип выломал дверь в квартиру еще спящего Иванова и окатил его холодной водой из ведра.

– Вставать пора, – казенным тоном сказал тип. – Спишь тут... Рудимент демократии.

– Почему рудимент-то? – не понял Иванов.

– Не понимаешь... – вздохнул тип. – Я у тебя на кухне покурю, ладно?

– Ладно, – согласился Иванов, которому не очень хотелось, чтоб на кухне курили, но вылезать из-под одеяла при постороннем ему не хотелось еще больше.

Иванов оделся и пошел на кухню. Тип сидел на табуретке и курил, задумчиво глядя в окно.

– Послушайте, – сказал Иванов – я, конечно, понимаю, что мы враги с вами... Но почему рудимент-то?

– Да так, – пожал плечами тип. – Слово красивое. И к тебе подходит. Даже лучше баклажана.

– А козел? – спросил Иванов.

– Ну нет, – покачал головой тип. – С козлом я погорячился, наверное. Какой ж ты козел-то? Ты скорее олень. Или нет... Марал! Марал-дегенерат! Вот так вот.

– Почему марал-то? – закричал Иванов и с размаху влепил типу в ухо.

Тип упал с табуретки, застонал, но папироску не выронил и продолжил курить, лежа на полу и разглядывая потолок.

– Сам белил? – презрительно спросил тип с пола.

– Сам. – Иванову почему-то стало стыдно за побелку.

– Грунтовал? – спросил тип, не поднимаясь.

– Не-а, – покачал головой Иванов. – Наверное, надо было. Но тогда я не знал.

– Марал и есть, – устало сказал тип и закинул руки за голову, чтоб лежать было удобнее. – Теплые полы не хочешь себе на кухню?

– Хочу, – признался Иванов. – Только не умею.

– Сделаем, – серьезно сказал тип, поднялся с пола и пошел к прихожей. – Залежался я у тебя чего-то, – сказал он у двери. – Да и тебе уже на работу, наверное. Ты это... До вечера, что ли?

– До вечера, – кивнул Иванов и подул на разбитый кулак. – Вечером придумаем чего-то.

– Постельное белье-то высуши, – уже с лестницы посоветовал тип. – А то спать не на чем будет. И дверь почини. Как умеешь. Я уж вечером как надо сделаю.

– Обязательно. – кивнул Иванов. – А здорово я вас в ухо, да?

– Неслабо, да, – согласился тип. – Одно слово – архимандрит!

– Почему архимандрит-то? – взвыл Иванов и кинулся к зеркалу.

Из чего же, из чего же

На третий день игрушечный робот начал ходить как-то странно. Нет, он исправно орал «Открываю огонь!!», стрелял и поворачивался. Но при ходьбе начал как-то припадать на левую ногу. То ли соли в его китайских суставах образовались, то ли решил, что так страшнее.

Папа посмотрел на робота и сказал:

– Не могу я больше смотреть на этого Тамерлана-андроида. Надо его починить. Дай-ка мне сюда этого великого хромого, сынок.

Робот, по всей видимости, понял, что ремонта ему не перенести, и жить ему осталось от силы минут десять. Поэтому он как-то грустно сказал:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Открываю огонь в последний раз.

– Чего-чего он сказал? – удивился Папа.

– Огонь открывает он, – авторитетно сообщил Сын. – А до этого про бабушку что-то. Странно это. Бабушки-то он не знает.

– Нашу бабушку и в Китае слышно, так что может и знать, – сказал Папа. – Принеси-ка, сынок, отвертку. Надо поглядеть, что у него там внутри. И ногу заодно починить.

– У вас есть допуск? – строго спросил робот и приготовился открыть огонь.

– Может, не надо, Пап? – спросил Сын без особой, впрочем, надежды. – А то будет как с пылесосом.

Пылесос был разобран Папой всего неделю назад и отказывался собираться обратно. Верней, собираться он собирался, но не полностью. Оставалась небольшая кучка каких-то деталей, для которых не было места в пластиковом нутре санитара ковров. От чего пылесос из три в одном (пылесосим – моем – сушим) превратился в пять в одном (гудим – жрем электроэнергию – не всасываем – внезапно отключаемся – вызываем раздражение).

– Ну ты тоже сравнил, – хмыкнул Папа. – Пылесос – механизм сложный. А это – игрушка.

– Останови его, мальчик! – сказал робот. – А то огонь в этом доме больше не откроют.

Папа подскочил к роботу, поднял его с пола и внимательно осмотрел.

– Кто ж ему столько фраз заложил-то? – пробормотал Папа и немного потряс игрушку. – И главное, в тему так получается.

– На место меня поставь, – сказал робот. – У меня и нога уже не болит совсем. Вот честное слово.

Папа в замешательстве вернул робота на пыльный ковер.

– Открываю огонь! – сказал робот и достаточно лихо зашагал к мальчику.

– Ишь ты, симулянт оказался, – восхитился Папа. – Принеси отвертку, сынок. Мне уже интересно стало. Я только открою и посмотрю.

– А где отвертка? – спросил Сын.

– Ну там, – показал Папа рукой в юго-западном направлении. – Найдешь там. На полочке.

– Нету тут ее! – закричал из коридора мальчик. – Не нахожу.

– На полке, бестолковый! – гавкнул Папа.

– Пап, тут у нас стеллаж, – сообщил Сын. – Тут этих полок... На какой?

– Ну там... – пояснил Папа. – Внизу там. Глаза разуй!

– Нет ее тут! – закричал Сын.

– Эх. Все надо делать самому, – вздохнул Папа и пошел за отверткой. – Вот же она, вот! На тебя смотрит прям!

– Это верхняя полка, – возразил Сын. – Оттуда меня ей не видно. И мне ее отсюда тоже не видно.

– Ты просто невнимательный. Ну пошли, – сказал Папа и направился обратно в комнату. – Я только посмотрю, чего у него там внутри.

– Не подходи ко мне, вандал! – сказал робот и попятился от Папы. – А то ведь огонь открою.

– Папа, ты его сломаешь, – сказал Сын. – Не надо его открывать.

– Да я только посмотреть! – сказал Папа. – Открою, посмотрю и закрою сразу.

Пылесос включился, возмущенно загудел и выключился. Как будто хотел сказать что-то вроде: «Ага. Закроет он... как же...»

– Это мой робот, – тихо сообщил Сын. – Он работает. Не надо его открывать.

– Ну у него что-то внутри... – попытался объяснить Папа. – Я просто хочу. Я же не сломаю...

– У тебя отвертка фигурная. А у меня шестигранники! – выдал робот. – Не сломает он. Прямо даже как-то хочется открыть огонь по такому.

– Ну видишь, видишь? – забубнил Папа. – Он не может так говорить. Он должен только говорить «Открываю огонь!». А он разговаривает. Я хочу посмотреть...

– Мааааааа! – закричал Сын. – Папа робота моего сломать хочет!

– Да не сломаю я! – раздраженно бросил Папа.

– Маааааа!! – закричал робот. – Папа сейчас меня совсем сломает. Три сотни, между прочим, – псу под хвост!

– Папа! – закричала Мама из кухни. – Пылесос сперва почини!

– Да там в пылесосе я знаю что... Там минутное дело... пока робот... Просто посмотреть... – оправдывался Папа, подкрадываясь к роботу с отверткой.

Робот отступал от папы и говорил:

– Не вынуждай меня! Угомонись по-хорошему. Ну вот чего тебе не сидится-то?

– Да я только посмотреть... – не отступал Папа.

– Стой! – скомандовал робот. – Еще шаг – и открываю огонь!

Папа шагнул, и в комнате ударила очередь.

– Ничего себе! – удивился Папа, стряхивая с ушей известь. – А как оно так? Надо ж посмотреть...

– В следующий раз дам на поражение! – предупредил робот. – Открою огонь, то есть.

– Ишь ты! – сказал Папа, усаживаясь на диван и убирая на всякий случай отвертку. – Ладно-ладно, мир! Воинственный какой. Игрушки какие ужасные стали делать. Чему они научить могут?

Робот с видом победителя ходил по комнате, поворачивался, кричал «Открываю огонь!» сверкал лампочками. Сын смотрел на робота, на Папу и довольно улыбался.

– Ничего-ничего... – бубнил Папа. – Сядут у тебя батарейки...

Тризна

Семен умирал уже раз шесть. Ну интересно было человеку – что о нем говорят родные и близкие, искренне ли плачут, отдают ли должное. Ложился, подлец, на диван, останавливал сердце и лежал такой торжественный – любопытствовал. Родные, конечно, убивались очень в первый и второй раз. А потом как-то попривыкли и спокойно ждали, что на третий день встанет Семен, как ни в чем не бывало, и начнет пилить всех. Дескать, теща хихикала неприлично, а вот тот вот и вовсе не зашел, не позвонил.

Семена очень огорчало то, что родные перестали убиваться, поэтому, начиная с третьей своей смерти, он еще и говорить начал. Совсем уж дикое зрелище стало – лежит покойный такой и с замечаниями своими лезет. Родные-то пообвыкли потихонечку, а вот посторонние люди пугались сильно.

В этот день Семен почему-то решил еще раз помереть. То ли с похмелья был, то ли чувством собственного величия преисполнился. Лег Семен на диван, сердце остановил и позвал жену:

– Этооо. Слышь? Как там тебя... Лена, а Лена? Иди-ка сюда быстро.

– Сам подойди. Я тут занята малость, – чем-то звякала на кухне Лена.

– Не-не-не, – скорбно сообщил Семен, – отходил я, по ходу. Все уж.

Лена появилась в дверях, недобро осмотрела усопшего и вздохнула.

– Опять? – спросила она. – Сколько ж можно-то, а? Не до развлечений сейчас.

– Какая-то ты не супруга даже, – обиделся Семен. – Нет чтоб подойти, пульс послушать. Где хоть какое-то «Сенечка, что с тобой?». Где «Сеня, Сенечка, не-ееет!»? У тебя муж умер или лампочка перегорела?

– Да пошел ты, – зло сказала Леночка. – У нас лампочки реже перегорают, чем ты умираешь.

И ушла звонить маме.

– Мама! Этот идиот опять умер! – плакала она в трубку. – Как я устала уже от этого, мама. Да нет, мама. Не обморок это и не потеря сознания. Это он на прошлой неделе практиковал. Он опять торжественно лежит и нудит на диване, мама. Нет, мама. Что значит – вынести и закопать, пока не очухался? Он же откапывается и приходит все равно. Что мне делать с этим всем, мама? Ты не приедешь?

– В гробу я его видела, – сурово сказала мама. – Чего я там не видела? Пусть лежит себе. Полежит дня три и очухается. Устала я уж скорбеть по нему. За последние полгода раза три уж скорбела. Слишком много скорби в моей жизни, дочь. Манала я такие тризны.

– Как же... Приедет твоя мама, ага... – нудил на диване покойник. – Она ж небось на танцы пойдет на радостях. Плевать ей на зятя. И тебе плевать. Хоть бы слезиночку проронила. Хоть бы скорую для вида позвала.

– Не буду я звать скорую! – закричала Лена. – Они к нам уже ездить отказываются. У нас одних справок о смерти шесть штук в шифоньере лежит. Они все действительные еще. Лежи себе так. Лежи, пока вновь не оживешь.

– Не буду я оживать! – уперся Семен. – Не для кого. Так и буду лежать тут мертвый. Пока не разложусь.

– Разлагайся, – бросила Лена и пошла переодеваться.

– Куда это ты? – спросил умерший.

– Не твое мертвяцкое дело! – отрезала Лена. – Буду по городу ходить, глотая слезы. Одна на одну со своим горем. – И ушла куда-то, хлопнув дверью.

Семену стало неимоверно жалко себя. Хотелось даже всплакнуть, но в этом состоянии слезы не шли почему-то.

– Один лежу в пустой квартире, – начал он монолог. – Какая мерзкая смерть меня постигла! Все, что в жизни сделано, все свершения – все напрасно. Никто не сидит в изголовье, никто не рыдает, никто не говорит шепотом. И эта ушла, как ни в чем не бывало.

По городу каблучками цокать. Деньги транжирить. У нее похороны на носу, а она деньги в кофейнях швыряет...

Когда вернулась Лена, покойный уже был в крайней степени пафоса и вещал во всю мощь:

– Усопший был хорошим товарищем! Гениальным, даже я бы сказал, товарищем! Деньги возвращал точно в срок... Тут эта сволочь, Васька, соврет, конечно. Но ведь не сможет он сказать, что не всегда возвращал даже, не то чтобы в срок. Но обо мне в этом состоянии либо хорошо, либо никак. Поэтому, Василий, рыло скорбным сделай и рассказывай дальше! Помню, как мы с Сенькой... это Васька так будет говорить... пошли на улице с девушками знакомиться. Ни одна! Ни одна не могла устоять перед искрометностью Сеньки. Теперь уж все. Спи спокойно, дорогой Семен.

Лена молча прошла к креслу и включила телевизор.

– Ой! А что это у нас ни зеркала не повешены? И телевизор? – взволновался покойный. – Обычаев не знает хозяйшка. И подсказать ей некому. Не до скорби сейчас маменьке ее. Маменька-то уж точно знает, что полагается делать.

Лена прикрыла Сене лицо подушкой и сделала телевизор погромче. По телевизору шла передача «Ищу тебя». Лена смотрела в телевизор и тихонечко плакала. Затем она ужинала в одиночестве, смотрела какой-то фильм ни о чем и наконец заснула.

Утром она подошла к дивану и приподняла подушку.

– ... всю жизнь эта неблагодарная сука отравляла своим присутствием жизнь покойного. Он, как всякий великий человек, снизошел до нее, а в ней не появилось ни капли благодарности. Понимаешь, милая, как-то сказал он ей. Ты – ничто в моей жизни, сказал он. Мне просто нужно, чтоб ты была рядом, закричал он. Потому что поганое общество никогда не поймет моего одиночества, выдохнул он. И к тому же кто-то должен стирать мою одежду, обидно засмеялся он. А она скулила, прижавшись к его коленям, и умоляла не бить ее больше. Бог издевательски хохотал ему в лицо. Никто из современников усопшего не понимал – зачем ему нужно было это серое, бессловесное существо. Никто не догадывался, что дело всего лишь в одном – ему было абсолютно все равно, с кем жить...

– Ну все! – решительно сказала Лена и сходила за скотчем и ножницами.

– Тебе статья будет! – испугался покойник. – Глумление над трупами.

– Глумление трупов надо мной никто не возьмет в учет? Как смягчающее обстоятельство? – поинтересовалась Лена. – Или ты заткнешься, или...

– Что ты мне сделаешь, стерва? – равнодушно бросил Семен. – Мне уже ничего не сделаешь!

– Есть крематорий в городе, – сказала Лена.

– Ты не посмеешь! – испугался Семен. – Ты не сделаешь этого!

– Почему? – пожала плечами Лена. – Справку о смерти мне дадут... Скорую вот вызову сейчас. И все равно избавлюсь от тебя. Вякнешь что-то при докторях – отдам для опытов в больницу. Промолчишь – в крематорий отдам.

– Лена, а вдруг я еще оживу, а? – умоляюще прошептал покойный. – А? Может, подождем еще, а? Живой буду еще. Все будет как раньше. Ты же любишь меня.

– Кто тебе сказал? – прошептала Лена. – Не был ты живым никогда, Сень. Ты всю жизнь мертв. От собственного яда умер когда-то давно.

И ушла звонить в скорую.

Вандализм

Петр Степанович, опаздывающий на работу, стоял у перехода и наблюдал за табло, на котором издевательски моргала надпись: «Стойте».

– Стойте. Стойте. Стойте! – раздражался Петр Степанович. – Две минуты стоять и только двадцать секунд идти. Издевательство какое!

«Идите!» – приветливо моргнуло зеленым.

Петр Степанович, занятый ментальным брюзжанием, пропустил момент, когда стало можно. Табло ласково моргнуло и выдало бегущую строку:

«Чего тупим? Зеленой не будет».

Петр Степанович очень удивился, но совладал с собой и шагнул на проезжую часть. Табло свистнуло громко и выдало бегущую строку:

«Быстрой, утырок!»

Петр Степанович оскорбился и назло пошел очень медленно.

«Геморрой? – поинтересовалось табло. – Или от рождения небыстрый такой?»

– Вот гнида! – ругнулся Петр Степанович и пошел быстрее.

«Стоять! – сменилась надпись на табло. – Стойте, то есть».

– Чего началось сейчас? – вслух возмутился Петр Степанович. – Еще двадцати секунд не прошло.

«Так надо! – ответило красным табло. – Стойте на разделительной линии».

– Фиг тебе! – гаркнул Петр Степанович и рванул обратно. Под визг тормозов, под яростное бибиканье клаксонов, под мат автолюбителей Петр Степанович добрался до заветного тротуара, вытер пот со лба и победно посмотрел на табло.

«Ну не олень?» – бежала по табло ярко-красная строчка.

– Это что, скрытая камера такая? – осенило Петра Степановича.

«Ага. И УЗИ вам попутно сделали, – ехидно отозвалось табло. – Больно надо кому-то такое убожество снимать».

– Да что ж за хамство-то такое, а? – кипел Петр Степанович.

«А с вами, кеглями, по-другому нельзя», – не унималось табло.

– А не пошло бы ты... – ругнулся Петр Степанович и шагнул на проезжую часть.

Взвизгнули тормоза, раздалось возмущенное «Куда прешь, каззел?». Петр Степанович закусил губу и упрямо пошел по переходу.

«Во дурак. Красный же, – выдало табло. – Собыют же сейчас».

– И пусть! – упрямо мотнул головой Петр Степанович и продолжил идти.

Благодаря интеллигентности и вежливости автолюбителей, к середине дороги Петр Степанович узнал много нового о себе, о своих близких, о сексуальных пристрастиях водителей. Грудь жгло обидой, в глазах мигало красным обидное «Приветствуем почетного камикадзе нашего района!», «Не выключайте камер – вы станете очевидцем», «Куда вы прете, лох суицидный?».

На разделительной полосе Петр Степанович остановился передохнуть от переживаний и победоносно посмотрел на табло.

«Круто, – отозвалось табло и добавило: – Не всякий петух долетит до середины проспекта. А теперь давайте снова ломанемся обратно. Как это принято у жертв ДТП. В метанях сбиваются придурки».

– Ага-ага, – закивал многообещающе Петр Степанович. – Сейчас я доберусь до тебя. Он набрал воздуха и пошел дальше.

«Не подходи ко мне, псих!» – пробежала строка по табло.

– Сейчас-сейчас! – Если бы у Петра Степановича был щит, он бы его сгрыз в секунду от ярости.

«Петя, давай поговорим как интеллигентные люди?» – выдало табло.

– Куда прешь? – высунулся было из какого-то джипа очередной автолюбитель, но осекся под взглядом Петра Степановича.

– Рыло забил! – рявкнул страшным голосом Петр Степанович.

Автолюбитель закричал от ужаса, поднял стекла и попытался сдать назад. В ту же секунду в джип влетел белый «опель». «Опель» отбросило на соседнюю полосу... Дальше Петр Степанович шел под звуки разбивающихся автомобилей, пригибаясь, когда над переходом пролетал очередной подброшенный ударом автомобиль, и провожая взглядом летящих мотоциклистов.

«Чего творишь-то, беспредельщик?» – беспокойно мигало табло.

– Сейчас-сейчас... – рычал Петр Степанович, неумолимо приближаясь к бордюру.

«Люди! Остановите вандала!» – Табло светило с такой силой, что на доме напротив эта надпись горела, как неоновая вывеска.

– Сейчаааас! – закричал Петр Степанович и подскочил к одной из разбитых машин.

– Не надо! Не надо! Возьмите деньги! Все возьмите! – испугался хозяин автомобиля и попытался убежать на поломанных ногах.

– Молоток в багажнике есть? – обратился к нему Петр Степанович.

– Все заберите, все! – бился в истерике автолюбитель.

Из ноздрей Петра Степановича повалил дым, глаза его загорелись желтым цветом. Он шагнул к искореженной машине, оторвал крышку багажника и достал молоток, разорвав брезентовую сумку с инструментом.

– Я иду к тебе, тварь светодиодная! – закричал он.

От этого крика с близлежащих деревьев облетела листва и посыпались на землю оглушенные птицы.

«Петенька, ты меня неправильно понял», – выдало табло, переливаясь всеми цветами радуги.

Петр Степанович одним прыжком добрался до табло и начал крушить его молотком.

«Идите!», «Пожалуйста идите!», «Милый, бесконечно милый пешеход», – пыталось задобрить табло.

«И-ите», «-дите», «ите», «те», «е адо, Пет-нька» – табло от ударов теряло ясность изложения, свистело, пикало, хрустело...

«И», «ай», «э»... «Эхххх», – сокрушенно пикнуло табло и погасло совсем.

– Получил? Получил, тварь?! – закричал Петр Степанович и отбросил молоток. – Будешь знать теперь!

Затем он оглядел разбитые автомобили, послушал стоны раненых и закричал страшно:

– Что?! Покатались?!

Как по команде, в обморок упали наряд полиции и санитары, подкрадывающиеся к Петру Степановичу.

– Не злите меня лучше. Не злите! – попустило Петра Степановича. – На работу опоздал из-за вас всех. Сволочи!

И пошел на работу, с ужасом думая о предстоящем объяснении с начальством...

Поэт

В квартире Василия завелся поэт. Ему задолго до этого жена говорила, что пропадает выпивка из холодильника и хлеб из хлебницы, но Василий не верил и все списывал на обычную бабскую манеру заполошничать по пустякам.

– Ну откуда поэту взяться? – возмущался он. – Вроде ж и чисто тут, и гитары не держим, и вслух не читаем ничего. И на полках только проза. Ну откуда поэт-то?

– Д-а-а. А я в ночи на кухню зашла, свет включила... Каак метнется тень какая-то за плиту! Кому еще быть-то? А позавчера я случайно так крышкой от кастрюли – дзынь. А мне шепотом: «Остынь, полынь, латынь». Рифмы подбирает. А самого, главное, не видно.

– Да показалось тебе, – отмахивался Василий.

И вот однажды Василий посреди ночи решил вдруг водички попить. Вошел на кухню, щелкнул выключателем и обнаружил за столом настоящего поэта. Поэт пил водку и закусывал хлебушком. От света он заморгал часто и потер сильно небритый подбородок. Может, руки чесались, а может, и подбородок.

– Твою мать! – удивился Василий присутствию поэта.

– Давайте восклицать, потом уж допивать. Затем уж доедать. О маме вспоминать! – засуетился поэт.

– Отвратительные стихи! – хлестнул наотмашь критикой Василий.

– Я знаю! – увернулся от критики поэт. – Я графоманю от тоски, сплетаю в рифмы буквы, строки. Кипят от творчества мозги. К чему так критики жестоки?

– Ну это уж наглость совсем! – задохнулся Василий и навис над поэтом. – Совершенно не выдержан размер, рифмы глупые, стихи ни о чем... – И остановился, глядя, как на глаза поэта наворачиваются слезы.

– К черту! – зарыдал в голос поэт. – Добивай уж. Давай! Про Бродского скажи! Давай-давай! Мешаю всем – чего б не добить. Давай. Скажи о стихах на уровне начальной школы.

Сжалился Василий, глядя, как вздрагивают плечи поэта. Он налил в стакан водки, достал из холодильника колбасы и сказал:

– Выпей вот. И поешь. Разнюнился весь...

Поэт заправски опрокинул в себя стакан, занюхал колбасой и сказал:

– Дааа. А знаешь, какие мы ранимые? Знаешь? А чего вы против нас имеете-то? Что мы вам сделали-то?

– Ничего. В этом-то и дело, – сказал Василий. – А ведь и не денешься от вас никуда. Куда ни плюнь – двух поэтов забрызгаешь.

– Убить поэта каждый рад, за рифму, за душУ, за слово...

– За душУ, – передразнил Василий. – Я неправильно поставил удобрение. Художественный прием такой. Эх, ты, рифмоплет...

– За рифму бить меня не станут, а за распитие прибьют, – опять забубнил поэт.

– ААААААА!! – закричала за спиной Василя супруга. – Поэт, поэт!! Господи! Прибей его!!! ААААА!

– Цыц, сирена! – цыкнул Василий. – Ну поэт и поэт. Чего орать-то? Ты посмотри на него. Он ручной совсем. Прозой иногда говорит.

– Не буду, не буду, не буду! – верещала супруга. – Противные они!

– Ну противные, конечно. А этот – ничего вроде. Ну посмотри, – уговаривал Василий. Супруга посмотрела на поэта.

– Здравствуйте, – сказал поэт. – Вы очень симпатичны в этой ночнушке.

– Какой милый! – ахнула супруга. – Проза. Умничка какой.

– Я вашей статью очарован! И голоском почти взволнован! – выдал поэт.

– Ай-ай! – взвизгнула супруга Василия. – Пусть он не переходит на рифму.

– Ну ты, – осадил поэта Василий, – ты давай сразу не елозь. Пусть попривыкнет женщина.

– А пусть он у нас останется жить! – совсем уж нелогично предложила супруга. – Забавный такой.

Так и остался поэт у Василия. Гости, как приходили, удивлялись постоянно – надо же, ручной поэт. А поэт им улыбался мило, водку пил с ними, разговаривал о футболе, о политике, о бабах. И все в прозе. Все удивлялись – вменяемый какой поэт завелся у Василия. Злые языки утверждали, что это породистый, но одичавший поэт. Но Василий говорил, что у доброго человека и поэт-любитель будет вести себя как человек.

А уж детям сколько радости было! Сядут они вокруг поэта и слушают. А он им ерунду всякую читает про «Сядем, сядем на пенек, в этот пасмурный денек. И зайчатки, и жучок – все присядут на пенек». А детки веселятся, в ладошки хлопают. Дети – они такие. Им что не прочти – все им высокая поэзия и все в радость. Главное, чтоб дядька взрослый им читал, а не уходил водку пить.

Святослав Касавченко

След Сокола

Станица. Лето. Первая половина восьмидесятых.

Серьезный человек Иван Евлампиевич неспешно выходит из сада. Уже три поколения станичников за глаза зовут его Евлампием. Тридцать пять лет подряд (с одним-единственным, зато трехлетним, перерывом на войну) он учил детей физике и астрономии, оставаясь бессменным завучем. Беспартийным завучем. Сейчас – на пенсии. Здравуются с ним за квартал.

Дед Ваня склонен к полноте, но не толст, а грузен – в движениях, в поступи, во взгляде. Пройдет года три, и дедовы рубахи станут мне хороши в плечах, но коротки в рукаве. А пока мне одиннадцать, и дед кажется гигантом.

Он ставит на стол ведра с абрикосами и машет нам рукой. Ясное дело – сейчас будем «лущить» урожай на «курку». «Курка» – станичное название кураги. Бабушка уже закатала не один десяток банок абрикосового варенья. Но абрикос в этом году уродил так, что на закрутки не хватает ни сахара, ни посуды. И «фрукту» сушат.

Мы лущим – разламываем на половинки – абрикосины и выкладываем их на здоровенные листы тонкой, расслаивающейся от возраста фанеры. Мостим одну к одной ровными рядами. Дело идет весело – абрикоса лущится легче сливы. И в сто раз быстрее, чем яблоки, которые на сушку нужно нарезать пластинками не толще сантиметра. Вот это нудьга!..

Но с абрикосами мы с братом справляемся легко, и дед, оставляя нас одних, поворачивается к дому:

– Надя-я! Дай-мне-собаке!

Заслышав ритуальную фразу, рыжий звонок Тюбик – мелкий, гладкошерстый, кривоногий и толстозадый – демонстрирует умственные способности. Он хватается зубами пустую миску и подтягивает к деду настолько близко, насколько позволяет цепь. И даже подпихивает миску носом. Дескать, видишь, хозяин, как я забочусь о твоём удобстве.

– Подхали-им... – усмехается дед. Наваливает в миску бурду из недоеденного детьми супа, птичьих костей, жареных рыбьих голов, размоченного хлеба и бог весть чего еще. И подвигает миску терпеливо ждущему Тюбику.

Тюбик говорит «гав» и чинно приступает к трапезе. Несмотря на несерьезную кличку, он тоже уже не мальчик. Зрелый пес лет десяти. Уважение понимает.

– Надя-я! Дай-мне-под-задницу! – кричит дед, и бабушка, смеясь, выносит из хаты специальную подушечку. Раны у деда давно зажили, и нога исправно гнется, но на твердом сидеть по-прежнему тяжело. Зато с подушкой он комфортно устроится на тяжелом, как пень, «уличном» табурете.

«Уличный» табурет – как цепной пес. В станице он никогда не допускается в дом. В дождь и в зной он живет во дворе, спасаясь от непогоды дважды в год педантично подновляемым слоем масляной краски. Сейчас табурет изумрудно-зеленый, в цвет перекрашенного в мае забора. В декабре дед подновит истоптанные за сезон закруток полы на кухне, и табурет станет сочно-коричневым. На селе все зависит от сезона.

Дед снимает с навеса добрый десяток щитов с сушкой и устраивается рядом с нами переворачивать сухофрукты. Для того чтобы каждая долька яблока, каждая половинка абри-

коса или сливы вывялилась равномерно, не загнила и не забродила, сушку нужно ежедневно переворачивать. По одной. Аккуратно укладывая рядами, чтобы всем фруктам в равной мере доставалось солнца. Перед вечерней росой или в случае дождя щиты с сушкой убираются под навес. После рассвета опять ставятся на солнце. И так – все лето. Потому что едва вывяливается одна партия фруктов, созревает другая, третья, четвертая. К осени «в сарайке» под потолком висят огромные сетки – с «куркой», с черносливом, с яблоками и грушами. Это будут компоты-узвары и пироги, пироги, пироги.

Но это – осенью. А пока – горе горькое – нужно все переворачивать, вместо того чтобы стрелять из лука по курам.

Соседские курицы – наша с братом законная незаконная добыча. Сосед Вовка плохо содержит свой птичник. Куры выбираются из него сквозь дырки в сетке и проникают на наш огород. Клюют виноград и помидоры – подвязанные к шпалерам розовые «богатыри», которые родят только у деда. Дед гневается. Кричит курам «кыш», с нашей помощью их ловит, перебрасывает через сетку в Вовкин дырявый птичник и грозит следующий раз свернуть разбойникам шеи.

Вовка (на самом деле мужик лет пятидесяти – длинный, усушенный солнцем, что наша «курка») искренне кается:

– Недоглядел, Иван Евлампиевич!.. – но дыры в сетке курятника не заделывает, а всего лишь прикрывает фанерками. И через день все повторяется.

Мы не можем простить Вовке дедовы огорчения. Поэтому охотимся на диких (домашние же в птичнике сидят!) соседских кур с луком.

Мы намерены уничтожить всех кур, не понимающих, где Вовкина земля, а где – дедушкина. Наши стрелы снабжены наконечниками из отточенных гвоздей. Сидя в засаде на ветке ореха над самыми помидорами, мы всерьез жалеем, что у нас нет яда кураре – смазать жала стрел.

Почему-то предполагая, что грозный дед может запретить нам священную войну за родной огород, мы охотимся, только когда дед уходит вздремнуть. Поэтому сейчас с удвоенным энтузиазмом переворачиваем сушку. Дед искренне радуется нашей помощи и... снимает с навеса еще пару поддонов.

– Деда, эта, наверное, уже готова! – пытаюсь схитрить я. Но деда с намеченного пути не сбить. О чем говорить, если, засаливая сало, он кладет в него листок с указанием дня засола и сроком возможного употребления в пищу. А вымачивая соленую рыбу, заводит будильник, чтобы не пропустить положенный по технологии срок.

Так что переворачивать приходится все. А одна курица уже шастает по винограднику, и дед прогонит ее, если увидит. Плакала тогда наша охота. Побивая все рекорды, мы приводим щиты с сушкой в требуемый вид и едва не силой загоняем деда в хату.

– Надя, мальчики мне так помогли! – слышим мы голос бабушки из кухни. – Пойду я прилягу. А «Известия» уже принесли?..

Вскоре в окошке перестает маячить и бабушка – не все же ей стряпать для нас, оглобедов.

Наконец краснокожие могут выйти на тропу войны.

* * *

...Мы крадемся по саду с луками, сделанными из тополиных веток, сжимая стрелы из тополиных прутьев. Через год у меня будет лук в мой рост из выпаренной, высушенной и укрепленной костным клеем лещины. Появятся струганные оперенные метровые стрелы в палец. Через два года луки уступят место самодельным «воздушкам» из велосипедных

насосов. Через четыре года любимым оружием массового поражения станут гитара и классический «тяжелый пацифик на хорошем ремне». Но пока мы крадемся с луками, стреляющими от силы метров на десять.

Брат младше меня на полтора года. Надо ли объяснять, что я – командир? Во всяком случае, план охоты на курицу разработан мною, и брату приходится его принять. Сам бы он действовал иначе, но сегодня мы – индейцы, а про них я знаю больше.

Вообще-то у нас с братом баланс. Он – восхитительно тонок, я – умилительно упитан. Я почти брюнет, он – почти блондин (с возрастом мы стали одинаково сивыми). Я сильнее, он быстрее. Я способен концентрироваться и преодолевать трудности. Он – предусматривать их и обходить. У меня, городского, шире эрудиция, у него, станичного, богаче жизненный опыт. Я знаю, как сделать настоящий индейский лук (вот только сухожилий с хребта бизона не хватает) и по падению перышка рассчитать поправку на ветер. Он делает рогатки-пращи (из ветки сирени, бинт-резины и куска кожи) и с двадцати шагов «по карте промаха не даст». А я – дам.

Когда я стреляю из рогатки, брат кричит, что самое безопасное место для зрителя – за мишенью (да-да, мы и в нежном возрасте были вполне язвительными гадинами). Зато я могу на те же двадцать шагов метнуть метровый лом. Хватит и сил, и мозгов. Попасть не попаду, но испугаю точно.

Поэтому брат на время спрятал свою рогатулину в задний карман шорт и ползет рядом со мной вдоль виноградника. Стрелы уже легли на тетивы. Запасные зажаты в зубах (это индейский секрет скорострельности!). До курицы – шагов десять. Стреляем одновременно!

Прوماхиваемся.

Кура продолжает клевать помидор, которым мы жертвуем ради охоты. Второй залп. Моя стрела втыкается в помидор, висящий на метр выше курицы, а потому ею не клеванный. Брат попадает курице в бок, и та, возмущенно квохча, удрызгивает.

– Видал? Видал? – Брат цапает упавшую стрелу и ищет на наконечнике следы крови.

Не находит.

Я изучаю продранный гвоздем помидор, понимая, что его, от греха подальше, стоит съесть.

– Думаю, стрела на пере амортизировала. Ты попал в крыло, а оно погасило энергию! – излагаю я. – Так обсидиановые наконечники ацтеков пробивали стальные кирасы испанцев, но застревали в индейских панцирях, плетенных из просоленной соломы...

– Значит, надо бить из пряща, – переводит теорию в практику брат. – Гамайцом я бы ее точно кокнул.

– Какой пря-аш? – негодую я. – Надо целиться в незащищенные места! Где перо потоньше – в шею, а лучше в брюхо. Но... это надо снизу стрелять. Или сверху – в спину. К силе лука добавится еще и сила свободного падения. Тогда стрелы точно воткнутся.

И мы забираемся на орех, несколько веток которого висят почти над помидорами. Позиция уникальная. Обзор великолепный. Одна сложность – труднехонько натягивать тетиву и целиться, лежа на покачивающейся ветке толщиной в твою руку, метрах в пяти от земли и метрах в семи от ствола. Да и забраться на эту ветку непросто. Зато слезть – легче легкого. Нужно проползти по ветке еще метра полтора вперед. Она под твоей тяжестью пригнется к земле, и ты спрыгнешь метров с полутора. А это уже целое Приключение.

У брата великолепное настроение. Пару часов назад он выяснил, что для бабушки и дедушки он такой же родной, как и я.

Вчера мы по какому-то поводу поссорились сильнее, чем на стандартные десять минут. Брат во что-то не хотел играть. Кричал, что правила на самом деле не такие. Что у меня

правила постоянно меняются! И вообще – почему это мы должны играть только по моим правилам?

– А потому, что мы находимся у моих дедушки и бабушки! – резонно ответил я. – У них фамилия – Касавченко. У меня фамилия – Касавченко. А у тебя – Прытыка, – (мы с братом двоюродные). – Значит, я роднее! Значит, слушаться надо – меня! А ты будешь главный в том дворе, где живет твоя бабушка – Прытыка.

Сказать по совести, в том дворе брат и так главный. Безоговорочно и навеки. Но мы же – в этом!

Убитый подлой судьбиной брат вчера признал мою правоту и согласился играть как хочу я. Правда, без особого энтузиазма. А нынче днем не выдержал и спросил у нагружавшей его пирожками бабушки Нади, верно ли, что он им менее родной? Ну и изложил: «А вот Славка сказал...»

Бабушка могла просто надрать задницу одному внуку и тем успокоить другого. Но поступила хитрее.

– Славка тебя дурит, а ты и уши развесил!

– Но он же и взаправду Касавченко, а я – нет...

– Зато ты Иван, как дедушка, а он – нет. Вот он и завидует.

– А еще у меня в станице две бабушки, а у него только одна! – воспрял духом брат и поскакал шкодить дальше.

И вот мы в засидке на орехе ждем явления кур. Стрелы отточены. Луки в руках.

Кур нет.

Вовкины куры – дуры клятые – бродят, как мамонты, на горизонте. Они клюют червяков «на паше» – на третий день как перерытой картофельной деляне. Там нет ни винограда, ни помидоров. Там вообще ничего нет. Только чужие куры.

Брат, мурлыкая себе под нос «Мамо моя, ты вже стара...», забирается на ветку повыше и навесом – метров с пятидесяти – посылает гамайцы в Вовкиных кур. Первый и второй проходят мимо, но третий камень входит в бочину ковыряющейся в пашне курицы. Она квохчет. Отбегает на пять шагов в сторону и замирает, пытаясь понять, откуда угроза.

Я карабкаюсь на верхние ветки ореха, надеясь отобрать у младшего брата рогатку. Убедившись, что я стою твердо и не чертанусь вниз с высоты четвертого этажа, брат протягивает мне прящ.

Я стреляю.

Стреляю.

Стреляю...

Брат выдал мне пять гамайцов – аккуратных, круглых и тяжелых. Все они прошли мимо, даже не потревожив дерзкую вражескую птицу, бродящую вдоль грядок с укропом и выбирающую из чернозема жучков.

У брата остается только два камешка. Он отбирает у меня прящ. Растопыривает ноги, как заправский Робин Гуд. На вздохе растягивает «бинтуху». И перед выдохом мечет заряд в курицу.

Чвак!

Уууу-ух!

Отдаленное: «Тка!»

Курица, мотнув головой, как подкошенная падает на пашу.

Присматриваясь, мы понимаем – не на нашу пашню. На соседскую.

Не заберешь!

Со скоростью воды в унитазе мы скатываемся с ореха на твердую землю и бежим во двор якобы играть в «дурака». Луки убраны в поленницу. Рогатуля – на крышу летнего душа. Мерные драгоценные гамайки кучкой положены под верстак.

Мы ничего не делали!

* * *

Вы бы смогли беззаботно дуться в «дурака», зная, что тело жертвы еще не остыло?

Карты мы сдали, но даже не стали определяться, чей ход. Нас занимали более важные вопросы.

Первый – теоретический. Имели ли мы право уничтожить врага на его территории? По всему выходило – имели. Ведь его отступление носило вынужденный и явно временный характер.

– Мы нанесли предупреждающий удар! – двигал бровями брат.

– Как СССР по милитаристской Японии! – пучил очи я.

Звучало ладно, но точил червь сомнения: согласятся ли взрослые уравнивать Вовкину пеструшку с самурайской военщиной?

Второй вопрос имел практическое свойство. Если добычу не освежевать в течение часа (максимум, полутора), она вспухнет. Жара. Солнцепек. Кровь не сточили. А мясо пропадать не должно...

Был еще и третий вопрос – как сладить такой лук, чтобы он по боевым характеристикам не уступал рогатке? Но это мы решили обсудить позже. Совет в Филях и без того затягивался.

Мы шептались, сидя на штабеле дубовых досок возле дровяного сарая. В дом уже провели газ, вместо дров в сарае стоял верстак. Но название сохранилось. Ему, кстати, я обязан своим первым филологическим открытием. Имена, названия живут дольше предметов. Хранят память о былом, даже когда предметы полностью меняют свою суть. Получается – слово сильнее реальности?

На стенах дровяного сарая в навсегда установленном порядке висели пилы и топоры, колеса и запасные рамы для велосипеда. Из деревянных инструментальных ящиков торчали пассатижи, плоскогубцы, кусачки, клещи, гвоздодеры. Зубила, рубанки, стамески, отвертки. Шпингалеты, засовы, печные заслонки и колосники. В жестяных закрывающихся банках, разобранные по размеру, под крышками таились тяжелые гвозди со следами солидола. На большом жестяном блюде высилась гора гвоздей старых – их выпрямляли на наковальне из обрезка рельса и снова пускали в дело. Коловорот. Вращающееся ручное точило. Полуторапудовая гирия. И даже взведенный крысиный капкан. Все двигалось, поворачивалось, вкладывалось одно в другое, образуя немислимые комбинации. Сладостное местечко. В другую пору мы бы уже или прямили гвозди, или тыкали палкой в капкан, глядя, как он ее кусает. Но сейчас близость полного сокровищами дровяного сарая служила для другого. Помогала упорядочивать мысли.

– Куру надо обпатрать! – резюмировал хозяйственный брат. – По-ско-рей!

– Ага, а как с огорода забрать?

– Сейчас, пока все спят.

– А следы останутся – там же все перекопано!

– А кто поймет, что это наши следы?

– А если поймут?

– А если наступать на картофельную ботву – следов не будет.

– Индейцы бы заметили.

– А Вовка – прям Зоркий Сокол?..

– А мы – Белые Волки!

– Га-га-га-га-га!

– Тссс, дедушка отдыхает!

– Да ты громче меня ржал.

– Че ты гонишь!

– Тсссс! Че ты орешь? Ладно, пошли, я все придумал. Мы пойдем по меже. Там же натоптано.

– Точно! Никаких следов!

– Возьмем грабли и прямо с межи куру достанем.

– Грабли нельзя – след протянем. Поднимем вилами!

– Точно! У них и ратовище длиннее...

...Вилы у деда были знатные. Не какая-нибудь заводская штамповка, а кованные кузнецом, может, даже еще дореволюционные. С личным клеймом кустика. Зубья – тонкие, со следами молота на боках – изгибались с хищной грациозностью. Дед сжимал в кулаке пару соседних зубьев, и они смыкались остриями. Стоило отпустить – с певучим звоном становились на место. Что только деду за эти вилы не сулили! Вплоть до электродрели, дефицитной в ту пору вещи. Дед не соглашался.

С вилами наперевес мы прошагали через сад. Выдвинулись к натоптанной меже, разделяющей Вовкин и дедов огороды. По меже крались пригнувшись – для неприметности. Вот и щетка желтеющего укропа, за которой должна валяться жертва индейской меткости.

– А вам дед разрешал вилы брать? – громом среди ясного неба раздается голос соседа. – Куда собрались, шкода?

Вовка стоит в тени дерева, обирает с веток алычу. От него до места, где «загорает» курица, метров десять. Он, как и мы, не видит ее исключительно из-за укропа.

– Нас послали картошки накопать, – нахожусь я.

– Так вы же ее в субботу убрали? – допытывается Вовка.

– То мы белую убрали, а синеглазку еще нет, – вступает брат. – Нам нужно пару кустов на пробу копнуть.

– Дедушка велел! – беззастенчиво вру я.

– А что без ведра?

– А в подол! – голопузый брат машет рукой на мою угвазданную футболку, которую я ношу, стесняясь своей городской пухлости.

– Мало вас дерут, шкода! – замечает Вовка, возвращаясь к алыче.

Мы несемся на участок с картошкой-синеглазкой (она же «цыганочка», продолговатая, с сиреневато-фиолетовой кожицей – сто лет уже такой не встречал). Выкапываем пару кустов, и... футболку приходится снимать – урожай в подол не помещается. А Вовка все стоит у дерева и глядит в нашу сторону...

Спустя полчаса мы опять пытаемся пробраться на огород. Уже ползком. Но теперь там торчит другой сосед – Витька.

Вот что нормальному взрослому мужику делать на ниве в самый солнцепек? Нормальные мужики – как дед – все делают поутру или вечером, когда не жарко. Наши с братом тирады исполнены презрения к нерадивым хозяевам. И какая нам разница, что дед – пенсионер, а Витька и Вовка работают. И обеденный перерыв для них – законное время управиться по хозяйству.

– В жару?! На пашу?! Й-и-и! Нэ будэ з ёго путёвого старика! – выносим мы безжалостный вердикт. И наконец добираемся до грядки за укропом.

А курицы нет.

Нет ни курицы. Ни перышка. Может, собаки утащили? Брат отмечает мое предположение – в станице все бобики на цепи. Это Вовка забрал. И теперь – кранты. Он же видел нас с вилами. Все понял. Вечером расскажет деду! Беда...

Я предложил признаться до того, как «Вовка донесет». Только не говорить, что грохнули куру на чужом огороде. Сказать, что подстрелили ее в винограднике. А потом подкинули Вовке. Потому что мы не воры!.. А? Хорошо придумано?

Брат сомневался. Он предлагал молчать до последнего. Мы же следов крови не нашли? И своих следов не оставили. Значит, Вовка не поймет, от чего курица сдохла. И патрать ее он не станет – в станице дохлятину не едят. Значит, никаких следов от удара гамайцом не заметит.

К общему мнению прийти не успели. Из дома вышел дед, а к заборчику между дворами прислонился Вовка. Мы обмерли. Сосед мялся, словно заговорить ему неловко, но дело требует:

– Иван Евлампиевич, а у вас...

«Ну вот и все», – пронеслось в мозгу. На лице брата читалось то же самое.

...Дед нас не драл. Не наказывал трудом или лишением отдыха. Не лишал сладкого или выхода на речку (который был возможен только в его сопровождении). Дед только искренне расстраивался. И спрашивал нас – как же вы могли?.. И это было ужасно – стоять перед расстроенным дедом и не иметь никаких объяснений своему поступку.

Лучше бы порол.

– А у вас пары ведер глины не найдется?..

– Найдется, Володя, найдется. Хату перемазать решил?

– Да надо бы, Иван Евлампиевич. Все не соберусь, а погода-то уходит.

– Я вот тоже хочу. Но одному тяжело. Жду, когда дети приедут.

– А эта шкода на что? – Вовка глянул на нас, подтянувшихся поближе, чтобы не позволить соседу наговорить на нас больше, чем мы заслуживаем.

– Да малы еще...

– Деда, мы уже умеем! Мы же и в прошлом году помогали обдирать.

– И перетирать!

– И белить!

– Ну-у-у... Если вы поможете, родители будут рады... – задумался дед и вдруг направил свой дальнзоркий взгляд в сторону виноградника. – Кыш! Чертова сволочь! Володя, я все-таки ей шею сверну.

– Извините, Евлампиевич, недоглядел!

По винограднику, прицеливаясь к черным ягодам, вышагивала соседская пеструшка. Та самая. С белым крылом. Живехонька.

– Одыбала, – подмигнул мне брат и кинулся выгонять диверсантку.

Ни до, ни после мы не перетирали дедову хату в таком замечательном настроении.

Белые Волки

– Если хату перетрете, взрослые смогут просто отдыхать. – Дед в шляпе в сеточку, старой «рабочей» рубаше и аж седых от древности некогда костюмных брюках проминает влажную глину через крупноячеистое жестяное решето.

Мы с братом неширокими жесткими шпателями сдираем со стен прошлогодний набел. Если под ним проявлялись трещины – «расшурошиваем» их.

Увлекательнейшее занятие. Цепляешь уголок жести глину. Надавливаешь на инструмент и смотришь, как струйками осыпается наземь поврежденная зимою штукатурка.

Я работаю с задором. Налегая на шпатель от плеча. Брат попытался за мной угнаться, быстро устал и охладел к процессу. Но дед и из этого извлекает пользу. Он ставит меня на стремянку-дробыну и отмеряет фронт работ – добрые две трети стены сверху. Брату остается нижняя треть. Я горжусь оказанным доверием, ударничаю, былинными жестами отираю лоб и стремлюсь обогнать младшего. Младший отпускает меня на четыре шага (чтобы известь в глаза не летела) и боле не отстаёт, хотя активнее болтает, чем работает. Даже не вспотел.

Тут, пожалуй, стоит пояснить – хату мы обдираем снаружи. Сложенные из самана стены защищала от сырости глиняная штукатурка. За зиму на ней появлялись трещинки. После весенних и летних ливней трещинки становились щелями, через которые саман «тянул сырость». Чтобы хата не рухнула за четыре-пять сезонов, каждое лето ее обдирали «до живого». «Расшурошенные» трещины по-новому заделывали глиной. Мазали (перештукатуривали) стены везде, где обнажился саман. И – белили известью.

Нижняя треть стены всегда сохранялась хуже, чем верх, частично защищенный от дождей выступающей крышей. Обдирая верх, приходится прилагать силы. Обдирая низ, наоборот – сдерживаться, чтобы в трудовом порыве не прокопаться сквозь саман. Мудрый дед поставил брата вниз не для того, чтобы младшему легче работалось. Для хозяина важнее сберечь стены от моего разрушительного энтузиазма, а заодно – синхронизировать наши усилия.

– Деда, а если мы хату перетрем – взрослые на утряну пойдут?

– Ну я не знаю... – дед глубокомысленно сдержан. – Они же едут ремонт делать. Если увидят, что ремонт закончен, – могут и пойти.

– Деда, а ты скажи им, что пообещал...

– Что – «пообещал»?

– Ну нам пообещал, что они с нами на утряну пойдут. А обещание надо выполнять.

– Я же вам ничего не обещал.

– Но они-то не знают? Скажи им, что обещал...

Дед посмеивается и сдается: « Попрошу Прытыку на зорьку вас свозить». Мы ликуем – деду взрослые не откажут!

С рыбалкой в том году как-то не ладилось. Одних нас на речку дед не пускал (это право мы завоюем только года через два) и сам не водил. То ли не любил сидеть с удочкой, то ли считал, что для завуча (пусть и бывшего) это зазорно. Но я ни разу не видел, чтобы он закинул поплавков в реку.

Мои родители любили удить на утренней зорьке, превращая рыбалку в ритуал. С вечера – проверка снастей. Подъем в полпятого. При едва сереющем небосводе переправа вброд (и совсем чуть-чуть вплавь) через сонный Бейсуг. Нам нужно добраться на дальний (третий) канал-рукав впадающей в лиман речки. Там не просто клев лучше – там сазан берет! Но сазан – это фанабрии отца, а мы и любому карасику рады.

Вот только этим летом мои папа и мама почему-то ни в один из трех приездов на утряню не пошли. А на братова отца дядь Славу (он же Прытыка, он же Пэрс) надежды мало. Он по жизни – рыбак. Главный рыбовод колхоза. Он с ранней весны до поздней осени встает в четыре утра и едет на пруды. Он привозит деду прудовых карпов размером в руку, похожих на бревна толстолобов и отливающих ртутью тяжелых амуров. Их разделявают в саду на некрашенных дощатых козлах под пристальными взглядами всех окрестных котов.

Прытыка уху варит ведрами, а рыбу солит ваннами. И вовсе не горит желанием в свой редкий выходной вставать до зари ради счастья наудить сотню красноперок.

Но если его попросит дед!

Я наваливаюсь на работу и упираюсь в крыльцо. Едва убираю в сторону дробыну, брат обваливает последние полведра штукатурки.

– Деда, все!

Дед вдумчиво обходит хату, подковыривая шпателем места, вызывающие у него сомнения. Он доволен. Будем ли мы работать дальше? Конечно, будем!

Получив по мочальной кисти, успеваем устроить мушкетерский поединок за те секунды, пока дед показывает, как правильно замывать трещины. Переведя взгляд со стены на внуков, размазывающих кистями по пузам известковую пыль и грязную воду, дед ищет слова для окрика.

Не находит.

Машет рукой и начинает замывать трещины самостоятельно.

Мы мигом успокаиваемся и приступаем к работе.

– Ты мне на голову льешь! – негодует брат, поправляя «буденовку», сложенную из разворота газеты «Известия».

– А че ты стал под рукой!

– А где мне стоять? Сам встань сюда, а я наверх!

– И встану!

– И встань.

– И-встану-и-быстрей-тебя-замою!.. – Я ж герой-ударник. – Че ты брызгаешь!

– Я не брызгаю, я замываю!

– Я видел, ты вот так махал!

– Ты че делаешь? Мне теперь купаться!

– Ты че делаешь, это ж чистая майка!

– А че ты сам начал!

– Сейчас пойдете мыться, а ремонт закончат взрослые, – оглашает шагнувший из-за угла хаты дед.

– Не-ет! Мы больше не будем! Де-еда!..

Дальше работаем без свар. Только полупшепотом пытаемся выяснить, кто же первый начал. Выясняем, выясняем и... упираемся в веранду.

– Деда-а! Замыли!

– Ну теперь гуляйте...

– А мазать?

– Я сам.

– Мы умеем!

– Идите-идите... Еще глину бабушка из вас не выколупывала...

– Уже выколупывала, когда мы крепость строи...

Брат якобы незаметно пихает меня локтем:

– Мы аккуратно!

– Ваня, да пусть уж помогают. Все равно купать... – Бабушка Надя похожа на одуванчик – тонкая, маленькая и с шапкой белых кудрей.

Дед ставит нас на участки попроще. Показывает, как правильно работать шпателем. Напоследок запрещает кидаться глиной:

– Я ее в обрез завел. Если не хватит – ремонт не закончим, рыбалки не будет.

Сраженные таким коварством, мы оставляем шкodu, и через какой-то час дед гонит нас мыться.

– А белить?

– Белить завтра. Глине подсохнуть нужно. Да и смеркается уже...

В летнем душе под деревянной решеткой-паелой живет жаба. Мы знаем, что от жаб можно заразиться бородавками, а убивать их нельзя – молния ударит. Один мальчик вот так жабу раздавил, и его молнией сожгло прямо вместе с душем. То ли брат мне это наврал, то ли я брату – уже не важно. Важно, что мы не любим ходить в душ, но сегодня несемся туда без приглашения.

Потому что проголодались, а грязных бабушка в дом не пустит.

Потому что от глины тело чешется, а известка еще и старые ссадины разъедает.

Потому что, если не выкупаться – бабушка сама перемоеет нас в тазах на кухне. И тогда не миновать мыла, которое щиплет глаза, как ни жмурься.

Жаба не показывается. Мыться скучно. Приходится веселить себя самостоятельно. Можно взбить на руках мыльную пену и с воплем «Гоним гниду!» вытереть их о волосы брата. Вода в станице такая мягкая, что выполаскивать мыло из шевелюры придется минут пять. Можно провести мыльной мочалкой по спине брата, прокричав ритуальное: «Кто грязнее паровоза?» Можно зачерпнуть ковш из стоящей рядом с душем бочки для полива и окатить напарника холодным. Можно толкаться мокрыми задками, спихивая друг друга со скользких брусьев паел. Можно пуляться мылом, а потом выуживать его из-под досок настила. Можно еще много чего придумать, но тут кончается вода в пятиведерном баке на крыше душа. Не успев развалить строение, мы стираем с боков остатки мыла и спешим к ужину.

Зря торопились.

* * *

Поправив очки, бабушка подгоняет нас под лампу. Заглядывает в волосы. Трет пальчиком наши шеи... локти... Палец у бабушки твердый, как карандаш. После него на коже остаются светлые полосы.

– Это что?

– Ну ба-а... Это загар...

– Цыганский загар. Без мыла мылись?

– С мылом. Это въелось, когда работали.

– Ага, мастера – один серэ, другой растера... Придется перемывать.

– Ба-а, давай завтра! Все равно мы же еще белить будем!

– Знаю... И задницу можно не вытирать – все равно опять до ветру идти?..

...Наши грязные выползки – майки да шорты – глядятся в углу сброшенной кожей гадюки. Страшной и неживой.

Подав через шланг от водогрейной колонки горячую воду, бабушка перемывает нас так же расторопно, как моет посуду. Р-раз! – и мы уже блестим. И опять видно, что волосы у нас разного цвета. Теперь можно и за стол.

Ужин камерный – «соус» из куриных «запчастей» с картошкой. Хлеб и молоко.

Все, что гуще супа, но естся ложками, в станице называлось соусом или рагу. Рагу готовили исключительно из овощей (хотя могли заправлять смальцем и даже шкварками). Соус подразумевал наличие мяса, птицы или хотя бы потрохов. Можете представить мое изумление, когда, спустя много лет, я узнал, что соус – это кетчуп или майонез? Не-ет, не можете... Чтоб вам было понятней, растолкую: я до сих пор отказываю кетчупу и майонезу в праве именоваться соусом!

А бабушкин соус с потрошками готовился так.

Куриный желудок-«пупок», печенка, сердечко, голова да две лапы от избушки Бабы-яги слегка (для запаха) обжариваются в сливочном масле в чугунке. Потом доливается вода, кидается небольшая луковица да листок лаврушки и томится минут двадцать – полчаса, чтоб пупок помягчел. Совсем уж мягким он, конечно, не станет, но хотя бы утратит «резинистость». После добавляем крупно нарезанную картошку (размером в половину куриного яйца). Если надо, доливаем водой, чтоб с картошкой сровнялась, но не накрыла. Доводим до кипения, убавляем огонь, выправляем по соли и под крышкой тушим до готовности картошки. Сами в это время делаем за жарку из одной морковки и одной луковицы. На сливочном. Морковку жарим первой – до пожелтения масла. Потом добавляем лук и доводим до золота. В чугунок за жарку отправляем в самом конце. После (и сразу) только укроп с петрушкой. Снять с огня и дать постоять минут тридцать, чтоб дети не обжигались.

Эту технологию я у бабушки намного позже срисовал. Уже когда стал студентом и о за жарке на сливочном мог только мечтать. А тогда я просто ел. И думал не о рецепте, а о добавке.

Ужин камерный, потому что в доме редкое для лета затишье. Нечего хихикать, я правду говорю. Всего-то пара внуков. Если б собралась вся семья – варили бы ведро борща или затирки. А сейчас ба приготовила каких-то жалких три литра соуса. Легкотня! Она даже не просила помочь ей с картошкой. Если б съехались все (Касавченки – папа Саша, мама Таня, меньшей мой родный братец Илюшенька; да Прытыки – дядя Слава, тетя Люся, наша старшая, и единственная сестрица Аленушка, ну и мы – двое из ларца, погромщики двоюродные – Славка да Ванька), сама бы не справилась! Вот уже завтра к вечеру они все будут здесь, а пока бабушка «курортничает». Это ее определение, я по тем временам еще и слов таких не знал. Потому и запомнил.

Бабушка по заведенному ритуалу делит потрошок. Себе – сердце и лапу. Деду вторую лапу и голову – он любит гребешок погрызть. Пупок и печенка – нам с братом. И картошка, картошка... Когда она крупными кусками, ее можно ломать краем ложки и даже толочь в пюре.

– Может, надо было сразу пюре варить?

– Не-а, ба-а! Так вкуснее.

А потом хлеб и еще парное вечернее молоко от соседки. Остановиться невозможно.

– Славка, хватит тебе. Швыдка Настя нападет.

Бабушка знает – у нас с дедом желудки одинаково реагируют на молоко. И остановить нас (что в еде, что в труде) одинаково непросто – натуры страстные. Но лучше остановить сейчас.

– Все. Больше не дам.

Бабушка отбирает бидон, не позволяя налить по четвертой чашке. Брат с заготовленной краюхой хлеба вьется вокруг котом:

– Ба-а, ну полчашечки. Мне же можно...

Ему хорошо-о! Его желудок передоза молока не боится. Его только от зеленой алычи и недозрелого винограда несет.

Бабушка сомневается какое-то мгновение, но потом обретает решение: никому, значит – никому. Брат расстаться с горбушкой не готов, но и на сухую она в него уже не лезет. Он, вздыхая, наливает чаю и бурчит:

– Вечно мне страдать из-за всяких засранцев...

– Ты че сказал? – Я старше на полтора года (в этом возрасте – серьезная фора) и склоняюсь к силовому урегулированию.

– Я? Ниче... Чаю тебе предлагаю.

– То-то же. Наливай.

– Я ж и говорю – всяким засранцам тут чаю наливаю.

Драчку пресекает бабушка, выгнав нас из кухни тряпкой.

...Утро красит. Точнее – белит.

Синька уже вмешана в известь, разведенную до консистенции молока. Хоть пей. Дед из своего арсенала выбрал для внучков хорошо обмятые мочальные кисти. Бабушка – новехонькие медицинские перчатки, чтобы мальчикам не поело пальчики. Мы с утра – само благолепие. Умытые, нарядные, тихие... Пока не проснулись.

Дед придирчиво осматривает нашу экипировку и велит раздеваться до трусов. Недоверчивый.

Мы просим оставить нам майки и шорты, а то комары заедят. Он не соглашается. Бесчеловечный.

– Деда, а если нас до кости проест? – дипломатично интересуется брат.

– Кто, комары?

– Побелка!

– Не проест.

– А меня на локте прямо до мяса проела!

– На каком локте? – Дед озабочен всерьез.

– Да это давно было, уже заросло, – выкручивается брат.

– Ну раз заросло, так и... два зарастет, – сворачивает дискуссию навидавшийся и не таких хитрецов завуч на пенсии. Раздевает-таки нас до трусов, нахлобучивает шапки из газет и отправляет работать. У меня папаха – я казак, у брата буденовка с нарисованной звездой – он, соответственно, буденновец. При этом мы еще и индейцы. Это, наверное, потому, что мы оба – красные. Не от солнца – по «раннепионерским» убеждениям. Если вы не понимаете, как это может быть, значит, родились не раньше восьмидесятого.

...Белить – дело нехитрое. Главное – известь не перегустить и кистью мазать ровно. Поперву – продоль, чтобы всюду зашло. Потом, начистую – наперек. В смысле вертикально. Тогда, кто будет снизу смотреть, твои мазки не увидит. Они к небу побегут и от чужих глаз все неровности спрячут. Ну еще, конечно, нужно сначала верха пройти, а уж потом низа разбеливать, чтобы потеков не было. Еще важно кисть к кисти класть, чтобы «хвостов» не оставлять. Ну и кисть не ронять, чтобы пылюку на чистое не тянуть. Вот и все, что я знаю о креветках побелке.

Брат это тоже знает. Знает и дед. И вот, заглянув к нам, осилившим уже половину задней стены (самой тяжелой, потому что без окон), он делает замечание брату:

– Ванюша, ровней клади.

- Смотри, как надо белить! – рад выпендриться я.
- А то ты умеешь!
- Конечно, у меня ж мама – художник!

Брат это «хавает» молча. Дождается ухода деда. Зорко следит за моими выкрутасами с кистью. И наконец ловит меня на кривом-прекривом мазке.

Я, естественно, хочу мгновенно убрать со стены предательский «хвост», но брат не дремлет:

- О-о! Написал, як бык поссал! Художник!..

К обеду две трети дома побелены на два раза. Это неспроста. Дед хочет, чтобы мы гарантированно убрались за пару углов до того, как он начнет маслом поновлять рамы и наличники. Опыт подсказывает ему, что внуков с известкой стоит держать от чистой работы подальше.

– Славка! Дурак бы тебя понюхал!.. – Собравшаяся позвать мужчин к столу бабушка застаёт дивную сцену. Старший внук сосредоточенно ставит на себе отпечатки испачканной в извести пятерни. За ним не видно младшего, который... Который ставит на себе аккуратные известковые точки – под леопарда.

- Слава-Ваня-брось!

Коллективный Слава-Ваня замирает. Понимает, что мытье неизбежно, и принимается из вредности размазывать друг на друге взаимные художества. Дело это настолько увлекательное, что едва не заканчивается переворачиванием ведра с известкой. Тут уж мы пугаемся, успокаиваемся (в смысле прекращаем особо бузить) и с жизнерадостным «Дурак бы тебя понюха-ха-ха-ха-хал!» летим к колонке умываться.

...Когда часов в семь вечера во двор на клокочущем оранжевом «ижаке» вкатит лихой Прытыка с тетей Люсей за спиной и сестрицей Аленушкой в коляске, ремонт будет уже завершён. На фоне салатного штaketника расцвеченный пестрыми дубками в бабушкином палисаднике, подчеркнутый еще блестящим маслом наличников дом будет сиять первозданной белизной. У самого крыльца нам с братом останется дочернить разведенным в керосине битумом (для красоты и от влаги) не больше полутора метров цоколя. Черним мы по очереди, потому что плоскую кисть на это дело дед выделил только одну, смолой хату помазать хочется каждому, а сил воевать за кисточку у нас уже нет.

– Угрались, хлопчики, – резюмирует проницательный Прытыка и, не дожидаясь просьб и намеков, говорит: – Чую, Люся, прыдётся мени йих завтра на утряну везты...

– От там их и брось! Мабуть, хоть в речке отмоются, Белые Волки, – изрекает, снимая мотошлем, наша взрослая почти тринадцатилетняя сестрица.

* * *

– Дывысь, Славка лытучу рыбу впиймав. Цэ, Ваня, редкость!.. У нас в Брыньковской летучих рыб нэмае. Допрэж, кажуць, булы, та браконьеры косянские всэ извылы. Чого ты рыгочешь? Батьке не веришь? Ба-атьке? Я ж знаю всэ! Я ж в тэбэ – ка-пы-тан!..

Под балакучую болтовню дядьки я безуспешно пытаюсь дотянуться до верховодки в полтора пальца.

Я так долго ждал поклевки и, дождавшись, так лихо цмыкнул удочкой, что... плотвичка улетела в поднебесье и запутала мою леску в ветвях растущей над Бейсугом жердёлы.

Дядька балакает, когда дурачится. Я кожей чувствую смешливые искры, летящие из его глаз.

– Славка, а ты заспивай «Сэ-эрдце! Чого ты впэрлось на жэрдэлю!» – мабуть, вона з дерева и слизэ...

Я тяну за леску, намертво запутелявшуюся в ветвях, и не знаю, сердиться мне или смеяться. Решаю подыграть и пою дурным голосом. Рыбка, разумеется, остается в поднебесье.

– Ны хоче... – констатирует дядька. – Добре ты, Славка, спиваешь, но рыба дюжэ вредна попалась. Правильна летуча рыба з воды – прыг! – йи сама на кукан! Косянцы ж як йийи ловылы? Пидут с куканом на бырыжок, помашут йим, рыба з воды выпрыгивае – и на кукан. Прямо рот раззявэ и кукан глотае. Нэ трэба ситки трусыть, в ричке мэрзнуть, рыбу нызать – вона сама на кукан лизэ. Ось так усю лытучу рыбу и извылы...

Ваня! Чого рыгочешь? Так и було! Я ж знаю, шо кажу, я ж сам – косянский! Та йи богато лытучей рыбы було! Як на нерест йдэ – всэ нибо черно! Солнца за ный ны побачишь, тильки слышно, як косякы над головой плавникамы шуршат.

Таки булы в нас рыбны ловли...

Брат заливается смехом:

– Надо было простынями ее ловить. Натянул простыню над двором – и только успевай собирать, что напутается.

– А так и робылы. Наволочку в нибо кинут, вона падае – вже полна лытучей рыбы! Пырысыпав рыбу в мешок и снова кыдай.

– А че сразу мешок не кидать? – дивляется брат.

– Я дывлюсь, ты в мэнэ, сынку, дурный. У наволочки ж халява – шире! В йийи бильше рыбы напутаицца!

– А ты, конечно, больше всех так рыбы ловил? Ты ж из всех косянцев – найкраший рыбак... – подначивает отца ни разу не ехидный девятилетний Ваня. – И наволочка у тебя была самая ловистая?

Но дядька на приманку не клюет, отказывается от шутовской балачки и, выбрав какие-то доверительно раздумчивые интонации, удерживает инициативу:

– Я лучший рыбак, да... Это ты, сынок, правильно говоришь. Но наволочкой летучую рыбу на нересте я не ловил, врать не стану.

– А почему? – Сын строг и сосредоточен.

– Как почему? Потому что ловить рыбу во время нереста – браконьерство!

– Да нет! Я спрашиваю, почему ты врать не станешь?

– Потому что я никогда не вру, вон хоть Славку спроси... – не моргнув глазом, врет отец...

...Понимая, что с земли удочку не распутать, и не желая лезть на дерево, я сильнее дергаю леску. Крючок с грузиком остаются на жердэле. Леска с поплавком из крашеного гусиного пера летят ко мне. А злополучная верховодка слетает с крючка и – сверкнув чешуей – падает в воду.

– Кручки одирвав? – интересуется дядька. – Я ж казав – цэ дюже вредна лытуча рыба попалась. Цэ знак – «Рыбаки, ны жадничайте! Йдытэ вжэ до хаты!..» А ну, что у нас тут?

Дядька вытаскивает из воды садок из мелкой сетки – хамсароса – и поднимает его на уровень глаз. В садке, пожалуй, с ведро красноперок, окуньков, лещиков, карасиков – мелкорыбицы размером до ладони.

Дядь Слава (уже переросший прозвище «Пэрс», но еще слишком молодой для уважительного «Пытрович») стоит огромный, загорелый, белозубый, с черными как смоль волосами, весь в бликах от высоко вставшего солнца. Вода жемчужным потоком рушится с садка. Сквозь хамсарос светится серебром наша добыча.

– На жареху хватит! – приbedняется дядька. Опускает улов в люльку мотоцикла и велит сматывать удочки.

Мы не против. Клев кончился. В пузе – бурчит. Пора.

В пять утра, отправляясь на рыбалку, мы вытаскивали мотоцикл со двора вручную и только на асфальте гыркнули двигателем, перебудив окрестных кобелей. Теперь же вкатываемся в распахнутые ворота триумфаторами – задорно сигнали и пофыркивая мотором «ижака». Это – ритуал. О том, что прибыл Прытыка, должны знать все.

Дед цепляет улов крюком безмена, который называет кантаром. Дед – педант, любит точность, мелочей для него нет. Шкалы весов не хватает. Дед делит улов на две части. В сумме выходит одиннадцать кило. Дед перевешивает рыбу тремя частями. Так получается на пятьсот граммов меньше. Дед прикидывает погрешность.

– Десять двести – десять триста. Может, триста пятьдесят. Пружина ослабла...

Бабушка смотрит с крыльца:

– Слава!

– А-а! – откликаюсь я.

– Большой!

– Да, мама... – отзывается дядька, вместе с дедом взвешивавший улов.

– Я все это чистить не хочу. Может, посолишь?

– Тю-ю!.. – Прытыка машет огромной рукой, как крылом. – Идти в дом, мамо, мы тут сами. Хлопчики помогут.

В дом бабушка не идет. Они с дедом устраиваются рядом с нами. Дед пришивает ремешок к разорвавшимся старым «дворовым» шлепкам. Бабушка просто сидит. Смотрит, как мы чистим рыбу, и слушает бесконечный треп зятя.

Прытыка с рыбой управляется шутя. Пара взмахов ножом. Надрез под жабрами. Экономным движением извлекаются «кышечки». Рыбешка ополаскивается в тазу и бросается в миску. Гора чешуи рядом с дядькой растет. Рыбьи потроха летят кошкам, а пузыри мы лопаем, раздавливая их пятками прямо под столом. Бабушка пытается запретить эту потеху – мухи же налетят. Но стоит ей отвлечься...

Брат (даром ли сын рыбака и рыбоведа?) работает так же красиво, как отец, только медленнее. Вид у него серьезный – как у любого занятого Делом мужчины.

Еще более серьезный вид у меня. Язык высунут. Плечи напряжены. Пальцы растопырены. Лоб в чешуе.

– Славка, цэ ны жаба, чого ты ййии давышь? Ого, як вона в тэбэ скаче! Мабуть, и жаба... Славка у нас, мама, седня був главрыбак, а мы були у его пид рукой. Я ему удочку пять раз распутывал.

– Четыре, – лезу я под стол за очередной ускользнувшей красноперкой. – Последний раз я сам... леску оборвал.

– Точно... Последний – сам. Но мы, правда, все были рыбаки. Рядом с нами мужик удил, забыл его имя... За радиоузлом живет... Папа, он – Квачам сват, худый такой, в возрасте вже...

– За радиоузлом? Там Подпалый... Алексей...

– Ни-и! Подпалый-то Лешка Дранка! А цый – напротив его...

– А кто там – напротив? – задумывается дед.

– Бздюха-а! Квачам сват – Бздюха!.. – доносится из кухни голос колдующей там над борщом тети Люси.

– Точно! Бздюха! Люсенька-любоф-моя-любимая, а как ты все помнишь?

– Я завуч во втором поколении! – кричит Люсенька. – У меня профессиональная память на хулиганов и оболтусов!

– Мама, ты страшный человек! – голосом командира пионерского отряда заявляет наша строгая сестрица Аленушка. С тазом свежeweыстиранного белья она выплывает во двор

и достает прищепки из висящей на шее торбочки: – ...ты нам и папеньку выбрала из профессиональных склонностей – хулигана и оболтуса?

– Ого, ты, Лена! – делано расстраивается дядька. – Люся! Меня Лена обижает!

– Она тебе правду говорит! – отзывается тетка.

– Мамо, шо воны меня уси забижают? – поворачивается Прытыка к теще.

Бабушка беззвучно хохочет, закрывая лицо ладошкой и отмахиваясь...

– Так вот – Бздюха!.. – возвращается к нашей рыбалке дядька. – Прикатил на велосипеде на час позже, встал от Славки в двух шагах – и ну тягать. Удочка – какой-то дрын метра в полтора. Точно, ветку с акациевины срубил, только листья посшибал. Поплавков – из пробки со спичкой. Один крючок. Ловит на хлеб – не успевает забрасывать!

А у нас снасть – трехколенки бамбуковые на медных стыках. На каждой по два крючка. Поплавков – перо. Черви – сам бы ел. А Бздюха быстрее нас троих ловит...

Я у него наживки попросил. Глубину посмотрел – такую же сделал. Он тягает – мы стоим...

Потом у него крючок оборвался, я ему запасной дал – как у себя. Он ловит – мы стоим...

Потом у него хлеб кончился, мы ему червей отсыпали. Он на наших червей окуньков таскает, а у нас – хоть бы клонуло...

Он посцать отошел, я на его место поплавков забросил. Ни поклевки. Он вернулся – стал удить там, где я был. И опять – одну за одной. Наловил на свою акациевину столько же, сколько мы втроем. И уехал на час раньше. Вот как так получается?

– Не плачь, папенька, – подходит развесившая стирку сестра, – зато ты брэшэшь лучше.

– Лю-юся! Вона мэни забижае!

– Она любя!

– А-а, ну если любя... Да-а – я брэшу складно!.. Да, доня моя?..

...На керогазе перед крыльцом шкворчит сковорода. Сестрица Аленушка, уже переросшая бабушку, заняла ее место. Бабушка далеко не уходит. Присматривает. Наверное, переживает, чтобы внучка не обожглась. Но внучка пошла в мать, в бабушку. У нее и руки на месте, и характер такой, что не забалуешь. Сказала, «сама пожарю», – значит, с советами лезть нечего. Отличница и активистка.

На желтом эмалированном блюде уже целая пирамида из золотистых рыбешек. За ними пристально наблюдают бабушкина кошка, два соседских кота и мы с братом. По карасику сестра нам выдала и велела больше не кланчить. Мы и не кланчим. Ленка – не бабушка. Может лопаткой по рукам дать. Может и по лбу.

Из кухни выходит дядь Слава. Сразу устраивает бузу, толкая под локоть дочку:

– О! Ты чи вже хозяйка? – и, смеясь, ловко уворачивается от стальной лопатки в тяжелой Ленкиной руке.

Усаживаясь на лавочку рядом с бабушкой, закуривает «Космос» и рассказывает нам, что в станице, вообще-то, тощую летнюю рыбу жарить не любили. Потому что «вона богато масла жрэ». Мы не понимаем – при чем тут масло? Его ж – вон сколько. Пять десятилитровиков в летней кухне... «То сейчас... – поддерживает зятя бабушка, – то сейчас...»

– Саламур! – Тетя Люся царственно выносит из кухни исходящую паром кастрюлю.

В ней – в соленой-пресоленной воде и с целым венком укропных бодылок – отварены окуньки из нашего улова. Чистить окуней – занятие противное. Особенно когда они небольшие. Потому их варят в рассоле целиком, не чистя и даже не потроша. И уже в тарелке с отваренных снимают чешую вместе со шкурой. И добиваются до сладко-соленого плотного белого мяса, чем-то напоминающего раков.

Саламур у нас любят все. Кроме меня, кривящегося от клейкого ощущения вареной рыбы на пальцах. Пройдет лет двадцать, когда я вдруг захочу саламура так, что хоть вой. И кинусь искать окуней. А пока я оттанцовываю от стола, надеясь под шумок стянуть у сестры пару жареных рыбок.

Тут стучает калитка. Во двор влетает мой четырехлетний братик Илюшенька. За ним – наши мама и папа. Все кидаются целоваться. Большой Прытыка ухитряется шуметь наравне с малым Илюшенькой. Весь этот гвалт перекрывает лай цепного Тюбика, требующего от прибывших своей доли поцелуев.

Семья в сборе.

Дед

Начало восьмидесятых. Поздняя осень. Моросящий дождь.

222, 223, 224...

Я считал столбы.

Сидел на заднем сиденье отцовской «копейки» – моей ровесницы – и считал проплывающие мимо электроопоры. Не то чтобы мне было нечего делать (хотя и это тоже), просто хотелось понять – сколько же опор нужно, чтобы протянуть провода от Краснодара до Бриньковской? Это же целых сто шестьдесят километров!

Мысль, что электроэнергия может подаваться в станицу не только из краевого центра, мне – десятилетнему – в голову как-то не приходила. Если Краснодар – центр... Если автобусы в станицу идут из Краснодара... Если дефицит – сливочное масло для бабушки – мы возем из Краснодара, покупая его всей семьей по четыреста граммов в руки... Ну, значит, и ток должен подаваться отсюда же. Как иначе?

566, 567, 568...

«Жигуленок» бежал бойко. Дед, сидевший рядом с отцом (на переднем, куда меня в силу малолетства еще не пускали), заинтересованно обсуждал расход топлива. Отец полгода назад растачивал двигатель и заодно поставил дополнительную прокладку под головку блока (это словосочетание для меня до сих пор звучит музыкой), которая позволила вместо дорогого девяносто второго бензина заливать экономичный семьдесят шестой. По расчетам деда именно на этом рейсе затраты на расточку должны были полностью окупиться.

– Ну да... Пожалуй, уже окупилось, – соглашался отец.

– А главное, семьдесят шестой почти на каждой заправке есть, а девяносто второй еще поищи...

Как раз в этот момент мы ехали мимо АЗС, на всех трех бензиновых колонках (семьдесят второй, семьдесят шестой и девяносто второй) которой шланги были замотаны «восьмерками».

– «Восемьдесят восьмой» продают, – язвил отец.

Дед задумчиво кивал.

976, 977, 978...

Я сбился сразу после тысячи. Просто под Тимашами опоры торчали неправильно. Там сходились обычная линия, высоковольтная и отводок куда-то на ферму. Попытавшись учесть все, я запутался и попросил у деда ручку – она всегда торчала у него из нагрудного кармана.

Тяжелое подарочное стило в стальном корпусе дед протянул вместе с записнушкой:

– Рисуй с конца – там телефонов нет.

«1002» – накарябал я в самом уголке листа (чтоб не забыть) и принялся ждать приметного места, чтобы продолжить счет. Какой-нибудь развилки или фермы. Завтра нам этой же дорогой ехать обратно. Я просто пересчитаю опоры на пропущенном участке, приплюсую их к сегодняшнему результату и получу ответ на свой вопрос. Жаль, что не узнаю все сразу, прям вот аж сегодня! Зато завтра уж точно буду знать цифру, не известную никому.

Даже так – НИ-КО-МУ! Наверняка до меня никто не считал столбы от Бриньковской до Краснодара. Я буду первым.

1601, 1602, 1603...

– Внучик, а что ты там бормочешь?

– 1607 – столбы считаю, – 1608 – деда, не сбивай, – 1609...

– Ну считай, считай...

2015, 2016, 2017...

Из-за сложной развилки у Старонижестеблиевской и остановки для санитарной прогулки в лесополосу я сбивался дважды. Контрольные цифры аккуратным столбиком теснились на последней страничке дедовой записнушки. Напротив них кратким шифром были отмечены точки, меж которыми столбы требовали пересчета. Я был крайне горд изобретенной системой, страхующей от неверного решения. Я уже предвкушал, как завтра скажу деду, что точно знаю, сколько столбов вдоль нашей трассы.

2135, 2136, 2137...

Беда пришла откуда не ждали. До дому оставалось всего ничего, но сумерки превратились в ночь, а морось – в нудный, но плотный дождь. Я не видел столбов!

Хуже!

Я не засек место, на котором сбился со счета!

Я не знаю, какой участок требует пересчета!

– Ыыыуаы!!! Ну почему?!

Взрослые вздрогнули:

– Проснулся? – спросил сосредоточенный на дороге отец.

– Сбился со счета? – обернулся дед.

– Сбился! Из-за темноты! И завтра пересчитать не смогу! Я же место, где сбился, не запомнил.

– Ты считал от дома до дома?

– Ну-у...

– Три тысячи пятьдесят семь и шесть десятых столба, плюс-минус пять штук. – Дед смотрел на меня особым «хитрым» взглядом.

Такой взгляд у него появлялся, когда он говорил что-либо, призванное поставить внуков в тупик.

Смысл сказанного до меня дошел не сразу.

Зато потом!..

Он что – знает?

Откуда?

Я же видел – он не считал.

Что это за загадочные «шесть десятых столба»?

– Деда, откуда ты знаешь?

– Мне в детстве укол сделали.

– Какой укол?

– Чтобы все знал!

– Ну де-е-еда!..

Дед, конечно, не признался. Увиливал от моих вопросов и довольно улыбался. От шока я отошел только дома и тут смог задать правильный вопрос:

– А почему ты думаешь, что плюс-минус пять столбов, а не пятьдесят?

– Потому что я знаю. Я считал.

– Столбы?

– Опоры.

– Ты не считал! Ты с папой говорил!

– Я считал в прошлую поездку. На каждый километр приходится от восемнадцати до двадцати двух столбов. В среднем – девятнадцать и шесть. От дома до дома по спидо-

метру – сто пятьдесят шесть километров. Получается именно то, что я назвал. И погрешность, с учетом отступлений строителей и моей невнимательности. Я ее отинтерполировал.

– Че?

– Привел к среднему значению.

Я молчал.

Обдумывал.

Потом отец рассказал, что в позапрошлую поездку дед заинтересовался количеством столбов. Он отмерял участки от одного километрового столба до другого и считал столбы электрические. Разброс был велик. Но и дед был велик!

Он посчитал двадцать один километровый отрезок из ста пятидесяти шести – просто так, потому что хотелось, и вывел среднее число столбов на километр. Потом учел количество километров им не просчитанных и вывел погрешность. Учитель физики, что ты от него хочешь. И подсчитал ожидаемое число столбов на трассу.

– С точки зрения математики расчет безупречный! – заявил отец. Как один из первых системных программистов Краснодара, он имел право на такие заявления.

Я был посрамлен.

Все уже подсчитано!!!

Зачем дед считал столбы, учитывая погрешность?

Ему что, больше нечего было делать, находясь в кабине с единственным сыном?

А зачем считал столбы я?

Любимая говорит, что боится даже представить, каким нудным я стану в старости.

С каждым годом в Любимой я вижу все больше черт моей бабушки.

Правда, бабушка меня так не высмеивала.

Так она высмеивала деда.

В родной станице двоюродные дядья называют меня Евлампием.

Это станичное прозвище деда.

Внешне я на него не похож. Я крупнее и ужаснее во гневе.

А на кого я похож?

От моего дома до дедовой хаты три тысячи пятьдесят девять столбов.

Я пересчитал.

Губная гармошка и отсутствующий рояль

Рояль «Бехштайн» звучит очень насыщенно. Особенно – упав с четвертого этажа.

...Инструмент слегка накренился в сторону изогнутого крыла и исчез из виду. Потом раздался тупой стук, заглушаемый многоголосым «Ба-умммммм!». После – взрыв и «БуоММ!» исключительно на басах. Потом три или четыре «Пиу!». Это, взвизгнув, лопнули несколько тонких струн. Я отчетливо помню именно такую очередность. Но помню и иное: все «Бауммм», «БуоММ» и «Пиу» звучали почти одновременно. Они начинались последовательно, но с таким мизерным зазором, в какой не вставишь и иголку. И все же паузы были колоссальными. В промежутке от звука до звука я успевал и умереть, и родиться.

А потом предсмертный всхлип рояля начал затихать и по улице раскатилось «Твою мать!..» рядового Кожуры.

...Дежурный по полку капитан Измирский шел как утка на манок. В просторной рекреации отданного военным бывшего техникума всхлипывал «*Summertime*». В третьем часу ночи. Первого января тысяча девятьсот девяносто шестого года.

Едва капитан – длинный и тонкий, как дирижерская палочка, – сбежал с лестницы, мелодия сменилась на разухабистого «Августина». Звуки неравномерными комками вываливались из дежурки. Там в зарешеченном «аквариуме» из оргстекла, сидя на тяжелой сварной табуретке, помдеж терзал губную гармошку.

...Обычно «губнушку» я с собой в дежурку не брал. Оставаясь ответственным по роте – баловался. А заступая помдежем по полку – нет. Люди вокруг, все на виду. Да и по уставу не положено. Но в новогоднюю ночь...

...Измирский, иронично улыбаясь, выложил на заставленный телефонами стол несколько апельсинов:

– Августин?

Я «кивнул» одними глазами, не вынимая гармошку изо рта.

– Я-я! Хенде хох! – Капитан бросил апельсин посыльному. – Зольдат, яйца, гурки, млеко! Шнель, шнель!

– Товарищ капитан, только чай, хлеб и масло.

– Годится! – И ко мне: – Ну так любой сможет. Ты «Мурку» сыграй!

Я затащил «Сент-Луис блюз».

Мой «губнушечный» репертуар тогда был на пике. Кроме «Августина», «Саммертайма» и «Сент-Луис блюза» я наигрывал «Когда святые маршируют» и «Степь да степь кругом».

Игорь Измирский приподнял бровь, взял стакан и принялся как-то хитро в него поквакивать. То – приглушая руками. То – давая звуку волю. То хрюкая. То крякая. И не забывая отбивать ритм лаковой туфлей музыканта. Посыльный перестал чистить апельсин и глядел на нас, удивленно улыбаясь. Его заспанный напарник выполз из комнаты отдыха и жмурился на свету.

Напраздновавшийся до усталости сверхсрочник из автороты плюхнулся на свободную табуретку:

– Если бы меня так вставляло, я бы тоже не пил...

...Дирижер полкового оркестра Игорь Измирский обладал редким для военных недугом – аллергией на алкоголь. Это автоматически выносило капитана за пределы системы координат, в которой обитали остальные офицеры. И обеспечивало гарантированные дежурства по праздникам.

Когда полковник Зингер знал, что пьянки по ротным канцеляриям неизбежны, он поступал иезуитски. У командира полка хватало крутых подчиненных, способных обуздать лихую вольницу пятый год воюющего полка. Сам Зингер одним топорщеньем рыжего уса ставил на грань инфаркта бравых «летех» и отвязных «прапоров». Но бывали ночи, когда никакой ус не действовал. Например – новогодняя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.